

Эльвира Суздальцева

Найди меня в Поднебесье

Пролог

Хозяин Дома Медиумов Ханг Юшенг стоял на краю облачного моря, заложив руки за спину. Он внимательно всматривался вниз красными глазами. Рядом скрючился на опаленной траве сторбленный старик ученый в черном заношенном сюртуке. Глазки ученого бегали в разные стороны. Он старался не смотреть на альбиноса.

— Дешевый трюк, — процедил Ханг сквозь зубы.

— Господин! — заскулил старик. — Это была кровь настоящего медиума, клянусь!

Альбинос уже удалялся к Дому.

Вечером ученый решил. На столе лежал дикий кот со связанными лапами, он ритмично подергивал хвостом, сжигая старика ненавидящим взглядом. Старик достал шприц, тонко сработанный из вулканического стекла. Тщательно вымыл руки в травяном настое.

Скрипнула дверь.

— Королева Эмун, — подобострастно согнулся ученый.

Лесная королева подошла к столу, почесала

кота за ухом. Зверь яростно зашипел. Эмун совершенно по-кошачьи зашипела в ответ, чуть приподняв его за загривок. Кот подавился шипением и молча вздыбил шерсть.

— Вчера вернулись птицелюды из Сабсера, — проговорила Эмун. — От этого мира не осталось и следа.

Голос королевы напоминал шум ночного ветра в кронах деревьев.

— Я же говорил! Мы же говорили вам, королева!.. — зачастил ученый.

— Молчать! Они проникли в сознание землян через медиума. Люди только и говорят, что о великолепном звездопаде и сверкающих метеоритах.

— Королева! — в отчаянии воскликнул ученый. — Кровь медиумов слишком слаба!

— Так для чего мы держим тебя здесь? Почему еще не скинули в облачное море?!

— Я... я стараюсь.

Эмун кивнула, поигрывая яшмовым медальоном.

Ученый тяжело вздохнул, закатал рукав по локоть, выгнул руку так, что стала ясно видна синяя вена. Вонзил в нее иглу и потянул поршень на себя. Эмун не обращала на него внимания, поглаживая кота.

Сто лет назад ученый сконструировал воздушный шар. Будь трижды проклято это изобретение! Он поднялся вверх, выше самых высоких гор, пролетел сквозь облака, увидел сияющие звезды из своей корзины. А затем его ослепила вспышка молнии. Огромный и такой надежный шар сморщился и начал выплевывать из себя воздух. Очнулся ученый в окружении людей в голубых одеждах, с крыльями за спинами...

Он выдернул иглу из вены, прищурился, выпустил каплю крови. Тут же вколол иглу в шею кота, медленно надавил на поршень. Кот взвыл, яростно и дико.

На следующее утро ученый в сопровождении альбиноса и лесной королевы снова семенил к облачному морю. Дикий кот шел нога в ногу с королевой, слегка покачиваясь.

Сегодня море было относительно спокойным. Легкие перистые облака гонялись друг за другом. Чуть поодаль клубилась и изменяла форму гора кучевых, окрашенных рассветом в розовый цвет. Из-за моря уже поднималось солнце невероятных размеров.

Ученый знал, сколько опасностей таит в себе облачное море. Сначала погиб шар. Затем мир, в котором оказался старик, обрушился на его глазах.

Ему пришлось преодолеть огромное расстояние сквозь облака. Тогда удалось спастись несколькими десятками жителей. Он летел, крепко сцепившись в двух птицелюдов. Они нашли убежище здесь, в Халлетлове. Его жизнь искусственно поддерживали, и он не умер от старости. Ученый подозревал, что так будет лишь до тех пор, пока он не найдет выход.

Небо под ногами, проглядывающее сквозь облачную завесу, ослепляло голубизной. Ученый поднял кота и швырнул его в море. Альбинос вытянул руку, и под ней завибрировала тонкая и прочная струя воздуха.

Несколько десятков мгновений прошло перед тем, как Ханг резко рванул руку вверх. Из облаков медленно поднялся мокрый черный камень, своими очертаниями напоминающий большого кота.

Мгновение все молчали. Затем Ханг дернул пальцами, сопроводив движение проклятием. Камень со свистом низвергнулся в бездонное небо. Альбинос развернулся и пошел прочь, не удостоив старика взглядом. Ученый, приплясывая, побежал за ним.

— Я уверен, что нахожусь на пороге открытия... Господин, еще совсем чуть-чуть! Возможно, нужно изменить концентрацию крови... Это же пока только опыты, да, только опыты! Если

б туда спуститься, взять пробу... Вот землянина бы мне, хотя б одного... Я сам не могу, я ослабею, и тогда...

Бормотание ученого и шаги Ханга стихли.

Эмун стояла на самом краю облачного моря, запахнувшись в плащ с яшмовой застежкой. Ее кожа напоминала древесную кору. Длинные темно-зеленые волосы трепал ветер. Здесь всегда было ветрено...

Прошло то время, когда облака сплошь курились дымом жертвенных костров. Сейчас этого дыма мало, слишком мало, чтобы поддерживать жизнь мира. И тот не весь пробивается наверх, большая часть рассеивается по Земле.

Несколько лун назад произошел новый обвал. Ровно поперек дороги, по которой шел торговый обоз. Погибли все люди и два лесных лучника. В Халлетлове стало больше на одно облачное море. На Земле прибавилось несколько каменных изваяний.

Лесная королева смотрела вниз.

Часть I Лесной Чертог

Глава 1

— Ну и занесли же тебя черти, братец!

Молодой воин прыгнул со спины сенгида, хлопнул его по холке. Черные кожистые крылья всколыхнулись, со свистом разрезали воздух, и зверь взмыл к верхушкам деревьев. На западе, за широкой рекой сияло огненно-рыжее зарево, вверх летели искры. Местами завивались клубы дыма, на ночном небе чернели конусы вулканов с рваными вершинами, вниз по склонам змеилась лава. Огонь отражался в реке, переменчивый ветер то и дело доносил с другого берега жар и пепел.

Земля муспельхов, равно как и Север нагов, закрыта для чужаков. Но даже тот, кто осмелился бы нарушить запрет, не выжил бы в их адовой клоаке и пары дней. Огненная страна отграничена от мира горной цепью, здесь же располагается единственное место, где возможно наладить контакт с муспельхами, обменяться новостями или товаром. У берега уныло покачивается одинокий паром.

Воин чуть поморщился, расстегнул на груди рубаху. Холодная кровь не одобряла соседства с жаром. Правда, на этом берегу все же отвоевала себе право ночная прохлада. Ветерок шумел в верхушках мощного папоротника, несколько тропинок разбежались в разные стороны, меж зарослями посверкивали окна. Молодой наг решительно направился на свет.

Вход в трехэтажное строение, искусно сложенное из окатанных булыжников разного размера, освещался двумя масляными фонарями на чугунных столбах. Тяжелая бревенчатая дверь заключена в медную окантовку. Воин потянул на себя ручку и шагнул внутрь, привычным щегольским жестом разгладив черные усики.

Такие заведения — не то пивные, не то гостиницы — находящиеся на ничейной земле, представляли собой пестрый коктейль из прохожих и проходимцев, торговцев и бандитов, усталых задумчивых пилигримов и сосредоточенных, спешащих по делам путников.

Вот и сейчас. Трое карликов и один птицелюд увлеченно режутся в темном углу в ракушки. Юная муспельхка целуется с зеленоволосым лучником, а еще одна скучающе посматривает в окно. В другом углу храпит мордой в луже пива вазашек, а напротив него расположились жун с трубочкой и чинная жунка с плетеной корзинкой. Четверо людей-бохенцев в холщовых рубахах и кожаных жилетах склонились над замусоленной картой и что-то обсуждают вполголоса.

Воин быстро окинул цепким живым взглядом залу, подошел к стойке. На него почти не обратили внимания, разве что, скучающая муспельхка стрельнула глазками, улыбнулась, чуть подавшись вперед. Молодой наг предпочитал именно такие

знаки внимания. А то обычно воинов сторонятся с опаской, предпочитают держаться подальше. Мало ли что. А уж глазами поманить... Но в таких тавернах обычно все переворачивается с ног на голову, они существуют вне традиций и суеверий, приюты для тех, кто уже ушел, но еще не вернулся. Он подмигнул девушке, одарил ее широкой улыбкой и обернулся к хозяйке, молодой кудрявой женщине, которая спокойно пила чай за стойкой. Увидев воина, она задорно вскинула брови и приветливо улыбнулась.

— Боги мои, какими судьбами! Что же желаете, неожиданный гость?

— Того же, что и все. Отдохнуть с дороги. Начать бы с кувшина вина и, знаете, огромного такого блюда жареных рябчиков! И пока хватит. Боюсь, если закажу слишком много, рискую потерять расположение прекрасной хозяйки, которой придется утруждать себя лишними распоряжениями! — воин снова сверкнул белоснежными зубами, поймал ладонь женщины и галантно поцеловал.

Женщина звонко расхохоталась.

— Ох, Шахига! Плут, нахал и бабник, хоть бы что изменилось! Благо на меня твои чары не действуют после того, как ты на моих глазах выпрыгивал с третьего этажа. Ну, когда спасался от ревнивого муспельха, который застукал тебя с его

женушкой. Задница не болит до сих пор? Помнится, у того воина огненная плеть была — ого-го!

Молодой наг наигранно смутился.

— Летти, право, ты очаровательна. Не знаю никого, кто более искусно владел бы обидными словами.

— Иди, иди отсюда. Принесу заказ, поболтаем.

И, не переставая смеяться, хозяйка скрылась в дверях кухни.

Шахига не мог не вызывать симпатии. И этим разительно отличался от остальных нагов. Он прямо-таки искрился жизнью, черные глаза смотрели весело, на губах почти всегда играла открытая улыбка, тонкий профиль, гладкие темные волосы, падающие на плечи. Черные одежды с щеголеватыми серебряными нашивками, легкая походка — глядя на него невозможно было не улыбаться.

Он расположился за дальним столиком, снял пояс с мечом, устало вытянул ноги в высоких сапогах. Тут подошла Летти с деревянным подносом в руках, присела за столик.

— Во-первых, спасибо! — без предисловий начал Шахига и оторвал ножку рябчика.

— Пожалуйста, — серьезно ответила женщина. И уже веселее продолжила, — Между прочим, я рисковала своим лучшим соколом.

Благодари судьбу, что он вернулся цел и невредим.

— Не устану благодарить, ведь месть женщины страшна. Где этот гад, Летти? Мне не терпится выбить из него дух.

Женщина поморщилась.

— Только, пожалуйста, не здесь. Вышвырну обоих, не гляну, хоть вы трижды стражи будьте.

— Ну не злись, милая, — воин налил вина в глиняный стакан, отхлебнул. — Вкусно!

— Ерунды не держим, — пожала хозяйка плечами.

Шахига снял с пояса кожаный мешочек и высыпал горсточку халцедонов на стол.

— Вот. За ужин, прием и отзывчивость. А еще, — он пошарил за пазухой и извлек изумруд размером с ноготь. — За то, что ты есть.

Воин протянул камень женщине, она улыбнулась, а потом встряхнула кудрями:

— Ладно. И все равно, смотрите мне тут!

Она сгребла камни и поспешила к стойке, у которой ожидали другие посетители.

Шахига быстро управился и с рябчиками и с вином, попросил еще. Теперь лениво потягивал крепкий настой и боролся с наваливавшейся сонливостью. Он не отдыхал уже очень долго, бросился сюда сразу с границы, из боя, и умудрился сейчас немного подремать, вскидывая голову на

каждый скрип двери. Наверное, на девятый или десятый раз, сон с него наконец-то слетел.

На порог ступил черноволосый наг в потрепанном плаще, ни на кого не глядя, направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Присутствующие с его появлением точно насторожились, и напряжение спало только, когда он скрылся с глаз. Хлопнула наверху дверь. Шахига не спеша опустошил стакан, прихватил меч и последовал за ним.

Пару мгновений он раздумывал, не постучать ли, а потом решительно толкнул дверь так, что петли затрещали.

— Нашел меня, прохвост.

Шахига усмехнулся в усы.

— А я уж хотел осмеять тебя за потерю хватки. Ведь перед носом у меня прошел и не заметил.

Наг неспешно снял плащ, повесил его на деревянный наличник, отложил в сторону меч в кожаных ножнах — единственную вещь, которая казалась идеально ухоженной. Молодой воин наблюдал за ним, на скулах играли желваки, а кулаки так и сжимались в бессильной ярости. Наг закатал рукава, умылся из высокой бадьи. Черные рваные волосы слиплись от пота, под глазами и на скулах залегли глубокие тени, плотно сжатые губы обрамлены резкими складками. Он взглянул на

Шахигу.

— Говори, раз пришел.

Бледно-серые, равнодушные, как изо льда высеченные глаза, каменно-спокойный голос.

Шахига открыл рот и тут же закрыл его. Слова не шли. Молодой наг шагнул вперед, кулак метнулся вперед в коротком ударе, но руку поймали в запястье железные пальцы, вывернули так, что Шахига не взвыл исключительно из чувства гордости.

— Яд материнский утри, потом лезь, — голос чуть потеплел, наг разжал хватку.

— Чтоб тебе сдохнуть, гадюка.

— Только на пару с тобой.

Он первым протянул руку, и наги крепко вцепились друг другу в запястья.

— Нейметя тебе, Шахига.

— Не на того напал, Арэнкин.

Дубовая столешница местами изрезана ножом, покрыта застарелыми кляксами вина и жира, светлеют отскобленные пятна. На толстой ножке кто-то вырезал карикатурное изображение жуна рогами вниз. Окно выходит на север, почти не видно всполохов огненной страны, зато серебристо-фиолетовая звезда, с полсолнца размером, освещает папоротники, бросает отблеск на стол, тесную комнату, бледные лица нагов.

Арэнкин с удовольствием отпил из деревянной чаши. Золотистая жидкость искрилась звездочками, согревала и придавала сил.

— Не самый свежий сорт, из походных. Но тебе, думаю, и это сойдет. Когда ты в последний раз пробовал настоящий яд?

— Давно. Местные кобры жадные и пресные.

Вошел мальчишка-прислужник с несколькими кувшинами вина и блюдом мяса, поставил все на стол. Когда дверь за ним закрылась, Шахига заговорщицки подмигнул и отстегнул от пояса маленький кожаный бурдюк. Откупорил, щедро плеснул в каждый кувшин. Тяжелый травяной запах наполнил комнату.

— Летти, конечно, за это прибьет, но тянуть человеческую бурду — благодарю покорно!

Половину кувшина они опустошили в полном молчании. Разбавленное вино щедро било в голову. Ходили присказки: что змею насморк, человеку — смерть. А людские да жунские вина, даже самые крепкие, с равным успехом можно было заменить на воду — и ничего, кроме вкуса, не изменится.

Арэнкин неспешно набил резную трубку, прикурил.

— Какие новости принес?

Шахига снова плеснул из кувшина.

— Много новостей. Новое облачное море на северной границе появилось. Королева Эмун на

праздник созывает в начале осени. Да еще по Северу сплетни ходят, знаешь какие? Говорят, пограничный вождь Меджед-Арэнк пал бесславно в бою с нежитью где-то на юге. И так неудачно, что этого никто не видел, одна память осталась, да и та не сегодня-завтра выветрится. Не слышал?

— Может и слышал.

— Ну так вот. И ты представь, весь Халлетлов горькими слезами умывается — куда ж мы теперь без прославленного бойца, половина народу в трауре ходит, вторая половина с крыш попрыгала, королевы в бохенские монастыри поуходили, правители подумывают города разрушить к дьяволам небесным... прям жизнь не мила!

— Заткнись, Шахига.

— Ага, чуть что, так «заткнись»! А тебе это нежным ядом по душе было бы, будто я тебя не знаю. Хочется, чтоб тебя заметили, чтобы о тебе заговорили? Кого ты пытаешься обмануть? Вождя, меня, Мейетолу? Что я смешного говорю?!

Шахига стукнул стаканом о столешницу, с недоумением глядя, как Арэнкин посмеивается, поигрывает в пальцах трубкой.

— Молод ты слишком, Шахига, — с неожиданной серьезностью сказал он. — Молод, но в чем-то сильнее меня.

— Не сомневаюсь!

— Ты молодец. Хочешь меня разозлить.

Только с меня хватит, устал до отвращения ко всему. Я больше не желаю возвращаться на Север, буду бродяжничать дальше. Может, прирежут в какой-нибудь канаве, в конце концов.

В глазах молодого воина блеснули дьявольские огоньки.

— Делай дурака из кого угодно, только не из меня. Твой меч заточен так, что можно листья на воде рубить, и отполирован до блеска, ты почему-то еще носишь знак стража... Это так теперь разочарование в жизни выглядит? Да если б ты хотел, уже давно бросился бы на меч у ближайшего обрыва... «И не узнали ни горы, ни ветер злой и бесславной кончины воина в трауре белом...»

— Молчать! — Арэнкин хватил кулаком по столу так, что глиняный стакан опасно качнулся, а Шахига поперхнулся на полуслове. — Надоело твое балагурство. Клятву нагов. Наизусть. Пятую строку. Живо!

Молодой наг выругался сквозь зубы, отхлебнул из стакана и прошипел:

— «Моя жизнь мне не принадлежит. Клянусь с честью принять смерть от вражеской руки, достойно встретить меч палача или же смиренно склониться перед воротами бессмертия. Клянусь не посягать на собственную жизнь и не опустить сознательно меча перед ликом врага. Я клянусь не отступить от своего пути ни на миг...»

— Достаточно, — устало прервал Арэнкин, разлил по стаканам вино. — Вижу, хорошо я в свое время вдолбил тебе эти слова. Я уже достаточно отступал от них в своей жизни, но этого я никогда не переступлю. Больше ста лет прошло, а они так и стоят у меня перед глазами, все трое. И в самые черные моменты, когда нож сам тянется к горлу, они появляются из ниоткуда... я их так и не простил, Шахига. Я их и сейчас презираю. Ты родился гораздо позже и не знал той войны. Давай выпьем за них. За всех, кто тогда бессмысленно погиб... и за тех троих.

— Выпьем...

...Ну и тяжеленные же ведра с водой!

Мальчишка отгребает грязными руками камни и землю, чтобы расчистить мутный источник. Отчаянный взгляд его серых глаз с жадностью и нетерпением мечется по полю битвы. Его слепят невыносимые отблески зеркальных щитов, молнии, что от них отражаются. Он раздувает ноздри, вдыхает обрывки ядовитого тумана, густо сдобренные ароматом крови. Пальцы до боли сжимаются на деревянных ухватах, под кожу врезаются занозы.

Его толкают в плечо. Мимо проносят двоих раненых. Мальчишка со всей возможной скоростью тащит ведра к навесу, окутанному приторным

запахом крепких отваров и яда, уже сбился, который десяток раз за этот день.

Он самый юный из всех, вышедших в битву, на поле вождь Витенег категорически запретил являться. Он делает то, что может, что у него получается лучше всего, он всегда там, где нужна помощь.

— Арэнк! А ну живо!

Молодой лекарь делает знак юнцу. Тот юркает под навес и перехватывает у лекаря чашу со снадобьем, сдерживая тошноту, помогает зашить и перевязать страшную рану на животе воина, который находится в полубессознательном состоянии.

В перерыве между ранеными лекарь заходится в кашле и сплевывает на землю комок крови. Арэнк в ужасе наблюдает за ним, но лекарь неожиданно смеется:

— Что глаза вытаращил, малец?

— Ты умираешь?

— Надеюсь, что да! — лекарь снова сплюнул кровь. — Давняя рана, изнутри кровь шла... но я уже тогда знал — не выживу. Чувствую, недолго осталось. В битву выходить сил нет, осталось раненых отбивать у смерти...

Он снова закашлялся и расхохотался одновременно. На вид лекарь хорошо, если втрое старше Арэнка.

— Хорошо. Это хорошо, малец. Ты еще не представляешь, как это хорошо... кладите сюда!

Он склоняется над очередным раненым. Арэнк испытывает отвращение к этому лекарю, этому бездарному воину, который радуется скорой смерти от какой-то постыдной болезни. Но все же помогает, подает инструменты, замешивает яд, наливает воду. Потом снова и снова жадно поедает взором поле битвы, нетерпеливо отбрасывает за спину длинные черные волосы — их положено стричь лишь в день Посвящения.

Война метелью мела по земле Халлетлова, впервые за многие сотни лет. Давно сдерживаемая вражда прорвалась наружу, жутью веяло с запада, из соседних стран. Шептались, передавали друг другу... Люди... люди взяли власть в Сабсере. Будущее за людьми! И на Земле остались лишь люди! Они могут жить в двух мирах, они — связующее звено меж странами, не чета реликтовым остаткам нелюдских народов. Кто говорит? Да как же, птицелюды связались с Сабсером, с помощью волшебных зеркал. А на Севере — нет, вы слышали? — на Севере, в землях нагов, драгоценные месторождения, проклятые змеи сидят на сокровищах, гниющих бездарно в земле...

Безумнее года не было в стране. Казалось,

будто неведомая болезнь поразила халлетловцев. Три раза люди посылали к нагам послов с требованием поделить северные земли с драгоценными залежами. Два посла вернулись с отказом, третьего, с расколотым надвое черепом, змеи вышвырнули обратно к поджидающей делегации.

Люди пошли на змеиный город войной. Муспельхи поддержали их, нашли повод возродить давнюю вражду, пустили по подземным жилам дикий огонь и присоединились к битве. Если б не огненный народ, лежать бы людям, всем до единого, с застывшей в жилах кровью. Птицелюды, раздираемые собственными раздорами, попросту проигнорировали войну, отгороженные цепями скал. Несчастные селяне и подземцы, затаились по углам да деревьям, в боязни высунуть нос. И молчаливо, бесстрастно и выжидающе стоял старый восточный лес, полный раздумий.

Арэнк вне себя от ярости, мысли туманятся, он бессознательно ищет на боку рукоять меча, чувствует, как к глазам прихлынул расплавленный лед.

Убивать. Желание одно — убивать. За Север, за бессмертный народ, за края скал и снега. Прочь с моей земли, проклятые! Убивать одним взглядом, как те воины, как брат Гирмэн — вот он, вождь,

впереди всех, яростный, неутомимый! Вот его отбрасывает сильный удар, молния, летящая из глаз, отражается от зеркального щита в руке человека и оставляет ожог на щеке брата. Он поднимается, ловко подсекает мечом колени врага, и тут же врубает лезвие в его голову, в пластинчатый шлем. Гирмэн стал вождем недавно, но уже не раз доказал свое право на этот титул.

«Я стану таким, как брат!»

Черные одежды нагов обугленными головнями вспыхивают от огненных доспехов муспельхов — единственный народ, кто может считаться достойным противником змеев. Вражда меж ними исчисляется десятками тысячелетий. А вождь Гирмэн до сих пор не может смотреть даже на теплящийся камин. Слишком крепка в его крови память о том, каково змее гореть в огне. Но сейчас, в битве, он одержим мстью, рвется прямо в сердце пламени. Среди людей вдруг мелькает пятно зелени с серебром — лучник? Лесной лучник, вставший на сторону врагов, зеленоволосый, залитый кровью, он ведет за собой отряд людей в бронзовых доспехах, сверкает зеркальный щит, отражая смертоносные взгляды, и под его мечом падают, падают несокрушимые змеи...

Муспельхи сминают нагов, гонят их к северу, к дому. Сворачивается пост, войско отступает, мертвых не успевают собирать.

Ночной лагерь на большом плато освещен холодными звездами. Костров наги не разводят — слишком уж любят холод, чересчур много враждебного огня пролилось на них в эти дни. Арэнк просто валится с ног, желание одно — спать. Одежда вся в крови и желчи, руки грязные, волосы смотались в колтун, но нет даже сил дойти до ручья и умыться. Лагерь затихает, часовые обходят территорию, прислушиваются к стонам раненых.

Измученный змееныш провалился в сон, едва коснувшись головой земли, рядом с лекарем, которому помогал и еще двумя воинами из своего отряда. Бессмертным тоже положен отдых.

Посреди ночи хрипло раскашлялся лекарь, кровь пошла горлом. Двое воинов очнулись от беспокойного сна.

— Что, хреново?

Лекарь не ответил, привалился лбом к дереву, кровь заструилась по коре. Старый рыжеволосый воин, смочил в котле с водой тряпку, подал лекарю, но тот оттолкнул его руку.

— Надоело, — прошипел он. — Дьяволы меня заберите, как же надоело!

— Не тебе одному, — подал голос воин со шрамом через все лицо, одного возраста с рыжим. — Вот смотрю наверх и молюсь об одном:

чтоб убили завтра. Не убьют — меч сломаю, сделаю вид, что так и было.

Рыжеволосый хрипло расхохотался:

— Да не сломаешь! Не в первый раз уже это слышу... Если вот...

...Чуть поодаль, на краю плато клубятся облака, грязно-серые на фоне черного неба.

— Нет, — шрамолицый сглотнул и отвернулся. — Ни за что. Та же смерть, тот же каменный холод. Не убьют меня завтра, не убьют... Дьяволы небесные, чего бы я ни отдал, чтобы вернуть день Посвящения! Зубами бы этот лабиринт грыз, но прошел бы. А теперь не жизнь, после того, как знаешь все...

Лекарь поднялся на неверных ногах, взглянул в небо.

— Мне все одно, — голос его был слаб, слова бессвязны. — Мне все равно умирать, и я больше не желаю гадать, заберет меня болезнь или бессмертие. Хватит!

— А я уже слишком стар, — проговорил медленно рыжеволосый, избегая взгляда товарищей. — Хватит, пожил уж. Не хочется доживать век на Заокраинах.

— Что скажут про нас тогда? — шрамолицый поднял с земли меч в ножнах и взвесил его на руках. — Это трусость.

— Мне все равно, — повторил лекарь. — Все

равно сейчас, и уж тем более станет потом.

— Итак, решено? — рыжий встал, сжимая ладонь на рукояти меча.

— Решено.

— Решено.

Два голоса эхом оттолкнулись друг от друга. Никто из них не произнес прямо то, что созревало во всех троих в течение многих ночей. И сейчас, на закате войны, решение пришло само собой.

Через некоторое время лагерь погрузился в тишину.

— Ненавижу их! Труссы! Презренные труссы!

Звонкий голос мальчишки дрожал от негодования и тщательно скрываемого страха, у ноздрей завивались едва заметные зеленоватые струйки яда.

— Клятвопреступники!..

— Что ж, Арэнк, — брат сжал его плечи. — Пусть это послужит тебе уроком на будущее, — и кивнул двум воинам. — В облачное море их. Они не заслужили погребения.

Арэнк вскинул возмущенные глаза на Гирмэна:

— Я никогда... никогда б так не поступил! Брат, клянусь тебе, я буду жить и служить моему народу всегда, чего бы это мне ни стоило!

Гирмэн с одобрением взглянул на младшего

брата. Этот змееныш далеко пойдет. Совсем юный, но уже держит меч не хуже иного посвящаемого, еще неуправляемая ядовитая сила так и пышет от него, глаза полны льда, который только и ждет своего выхода. Превосходно, врожденным наитием разбирается в лекарстве, тянется и к самой потаенной, запретной магии, готов все время, что не рубится на мечах, посвятить своим заплесневелым книгам и неведомым травам.

А главное — его яростная вера и безоглядная преданность, дай Демиурги вполтину столько каждому воину.

— Не мне клянись. Дай слово себе и помни его всегда. Когда войдешь в Лабиринт в день Посвящения, когда станешь драться в рядах воинов, когда будешь поучать молодых, за какой конец меч держать. Помни — слово нага прочнее любой клятвы.

Арэнк зажмурился, сдерживая яростный стон.

— Они тоже давали слово...

Восходящее солнце освещало одинокий лагерь. Три трупа, посеребренные утренней изморосью, лежали ничком, из спины каждого торчало окровавленное лезвие. Позорное самоубийство, своевольный уход из жизни — недостойнейший поступок, худшее, что только может сотворить воин, сродни предательству.

Арэнк бессильно наблюдал, как их уносят к облачному морю, как приказал Вождь. Не будет им захоронения на кладбище павших, не откроются врата иных миров.

— Что могло сподвигнуть их на такое? — скрипит зубами мальчишка. — Что, что оказалось выше сил воина? Ведь нужно жить...

Жить! О, Демиурги Великие, жить! Жить, нестись против ветра, вспарывать воздух мечом, рубить врагов напропалую, вбирать жизнь полной грудью, вцепившись в шерсть верного сенгида. Жить вечно...

Посвящение уже не за горами, скоро, скоро откроются заветные двери Лабиринта, войдет юнец — выйдет воин, сразившийся с неведомым и победивший все страхи.

Ты боишься, змееныш?

Нет!

Я ничего не боюсь.

Ничего...

— Ничего...

— Арэнкин?

Время подбиралось к утру. Кукарекали петухи в ближнем жунском селении, в комнате посветлело.

— Уходи, Шахига. Видеть тебя больше не могу. И какого дьявола притащился...

Молодой наг покачал головой, глядя на друга.

Тот явно перебрал змеиной настойки, впрочем, как часто бывало.

— А теперь ты слушай меня и молчи. Делай, что тебе заблагорассудится, но, если ты думаешь, что я тут только из добрых побуждений, то ошибаешься. Меня послал Вождь. Он-то знает, что я тебя из-под земли достану.

Арэнкин поднял глаза.

— Что ему нужно?

— Ты, братец. Собственной персоной.

— Зачем?

— Не отчитался, знаешь ли. Приказывает тебе явиться, хоть бы мне тебя пришлось с Заокраин вытаскивать. Что ответишь?

Арэнкин поднялся, неверной походкой прошелся по комнате, тронул рукоять своего меча, взглянул на Шахигу, перевел взгляд в окно и вдруг улыбнулся, одними губами, спокойно и невесело.

— Что отвечу? «Моя жизнь мне не принадлежит...»

Глава 2

Вот уже два месяца прошло после того, как он погиб. Два месяца нескончаемых кошмаров.

Елена молча, сосредоточенно утрамбовывала рюкзак. Странно, что в двухдневный поход нужно практически столько же вещей, сколько в

двухнедельный. Теплая одежда, одежда на случай дождя, аптечка. Разве что, продуктов меньше. Правда, Елена уже и забыла, когда в последний раз нормально ела за последние два месяца...

Она его любила, да любила! Только сейчас, когда исправить было уже ничего нельзя, она себе наконец-то призналась. Она — в разводе, с двухлетним ребёнком, он — женат, прекрасная женщина, счастливая пара...

Они были знакомы больше десяти лет, и все это время не прекращалась странная, болезненная для обоих, нелогичная связь. Они не могли быть вместе, но друг без друга продержались максимум полтора года, после того, как Елена вышла замуж.

— Я найду тебя, найду, даже если придется вытащить из ада, ясно тебе?! Предатель!..

А ведь два месяца назад все могло бы закончиться...

В ту проклятую ночь Елена долго не могла уснуть. Сердце колотилось, тревожные мысли сменяли одна другую. Сон упрямо не шел, нехорошее, странное предчувствие подтачивало изнутри. Вконец измучившись к середине ночи, девушка встала, прошла на кухню, мимоходом заглянула в детскую. Сын спокойно посапывал во сне. Она зажгла свет, налила стакан воды. За окном стояла темнота.

На столе в беспорядке лежали записи и переводы. Чтобы отвлечься, она села, просмотрела их. Внушительная стопка листов со статьями на немецком языке, несколько заметок на японском. Отдельно лежали работы ее студентов — сочинения на немецком. Елена давно привыкла брать работу на дом, иначе не справлялась. Сочинения нужно проверить к концу недели, а еще не сделано и половины. Но сейчас требовалось чтение для души. Елена взяла в руки монографию, посвященную языку индейского народа оджибве, и углубилась в изучение. Только под утро сон исхитрился ее сморить.

Утром чувство тревоги появилось вновь. Полдня она беспокойно вертела в руках телефон, не в силах сосредоточиться. Рассеянно внимала ответам студентов на семинарах, а на лекцию махнула рукой и поставила довольным второкурсникам фильм.

В десять вечера телефон зазвонил.

— Лена!

— Ира? Я слушаю.

— Лена, Леночка, родная...

Она выбежала из дома к мокрой от прошедшего ливня дороге. Через три минуты остановилось такси. Елена назвала адрес, и таксист распахнул дверь.

На крыльце больницы курили врачи в белых халатах и мужчина в военной форме. Елена бросилась к нему, схватила за воротник.

— Почему мне сразу не позвонили? Почему?! Как он?!

— Леночка, — Вадим обнял ее за плечи. — Идем.

— Как Ира?

— Ужасно. Она в истерике.

— Как это случилось?!

— Средь бела дня. Не укладывается в голове... Этих гадов было четверо, сейчас все в отделении. Трое сильно ранены. Он молодец.

— Неужели не мог отбиться?! Боже, что я несу...

— Он и отбивался...

В больничном холле сидели две девушки. Елена едва взглянула на них.

— Где врач? Я должна увидеть его.

— Мы позвонили сразу, как смогли, — быстро говорил Вадим. — Прости, что промедлили. Как в голову ударило. Лена... он в бреду, постоянно зовет тебя по имени. Врачи делают все возможное, но...

— Меня?...

— Да. Ты нужна ему, как никто. Его лечащий врач сам попросил, чтобы ты приехала как можно скорее. Говорит, твое присутствие может помочь.

— Сволочи! Ну почему вы не позвонили сразу?!

— Прости, Лена, прости!

— Вам не у меня придется просить прощения!

Навстречу вышел молодой парень в белом халате.

— Дима!

— Лена! Я договорился, я тебя проведу.

Надень маску и шапочку.

Они подошли к запертым дверям. Елена куталась в белую больничную накидку, неловко теребила руки. Дима нажал на звонок. Через несколько минут вышел врач, вопросительно посмотрел на них.

— Сергей Викторович, это Елена, та самая девушка.

Врач внимательно глянул из-под бровей.

— Нервы крепкие, истерик не будет?

— Нет.

— Крови боитесь?

— Нет.

— Кто вы ему?

— Друг.

— Что ж. Если кто-либо может что-то сделать для моего пациента, это Господь. Я просто выполняю его просьбу. Мы сделали все, что могли. Молитесь.

Длинный коридор, глухие двери... Врач

отворил одну из них. Елена, не сбавляя шага, прошла в палату. Две медсестры возились с капельницей, мерцали приборы.

Лицо Олега белело на белой постели. Черты его обострились, глаза полуоткрыты. Дыхание тяжело вырывалось из груди, сплошь закрытой стерильной повязкой.

Она опустилась на колени прямо на пол, осторожно взяла его руку в свои.

— Олег! Я здесь. Я здесь. Я, Лена...

Он не отвечал, он находился в глубоком забытии, созданном не препаратами, а естественным ходом жизни. Елена яростно размазала по щекам непослушные слезы.

— Олег! Черт побери, не сдавайся! Ну что ты хотел мне сказать?! Я здесь, я здесь! Мы не договорили, я же обещала... обещала, что подумаю...

Девушка поцеловала его ледяную руку. Неведомым наитием она осознавала — шансов больше нет. Зажмурившись, Елена крепче сжала его руку и слышала тихий прерывистый голос:

— Леночка...

Она так и взметнулась, коснулась пальцами его щеки, хотела что-то сказать... и забыла, что, встретив угасающий взгляд.

— Найди...

— Тише, милый, — прошептала она.

— Найди меня...

— Да, я здесь, я с тобой, ты не можешь умереть, когда я рядом! Помнишь? Я ведь твоя сила, Олег, любимый! Олег не сдавайся, мы с тобой еще погуляем по лесам! С кем я летом на сплав поеду?...

Умиравший еле ощутило попытался сжать ее пальцы в своих. Было видно, как он силится что-то сказать. По щекам Елены текли уже нескрываемые слезы. И вдруг она почувствовала тепло, бьющееся в кончиках его пальцев. Тепло, подобно электрическому току, передалось ей и прошло до самого плеча.

— Найди меня в поднебесье! — выдохнул он, наконец, и Елене почудился металлический блеск, промелькнувший в глубине его глаз. — Ты...

Резкий протяжный писк. Суета. Мелькание белых халатов. Кто-то хватает Елену за плечи, оттаскивает ее в сторону, выводит из палаты. Ноги не слушаются, в голове туман, тяжелая кровь пульсирует в висках. Слезы не могут прорваться. Ее обнимают уже знакомые руки, кто-то сует ей стакан с водой, на краю сознания слышатся женские рыдания. Перед Еленой возникает заплаканное лицо Ирины.

— Почему ты?! — кричит она. — Почему там была ты, а не я?! Почему он хотел видеть тебя?! Почему?!

Невеста погибшего пытается схватить Елену за ворот, кто-то из мужчин уводит ее. Елена непонимающе смотрит и не видит ничего. Перед ней возникают черные брюки и белые полы халата. Участливое «Мне жаль». Какие-то вопросы, обращенные к другим. Елена встает, подходит к бьющейся в истерике Ирине и отвешивает ей пощечину.

Потом шум в висках усиливается, и руки Вадима подхватывают слабеющую девушку. В голове висят, точно выжженные, последние слова, сказанные Олегом.

Елена уже знает, что эти слова будут с ней всю жизнь.

Сколько бы она ни продлилась.

Последующий месяц превратился для Елены в настоящий ад. Она всерьез начала опасаться за свое психическое здоровье. Несколько дней девушка ни с кем не говорила и ничего не ела. В больницу за ней приехал муж. В чувство ее привел только двухлетний Ярослав, вернувшийся от родных. Занимаясь сыном, Елена понемногу приходила в себя и через три дня вышла на любимую работу. Ее начали мучить ночные кошмары. Со дня трагедии она не провела ни одной спокойной ночи. На работе путалась в самых простых переводах, подолгу сидела даже над небольшими статьями. Привычные

цветные сны превращались в отрывки из черно-белого кино, во снах она чувствовала боль, во снах ее преследовали крики, и страх становился запредельным.

Сны не прекращались, сны обретали плоть, звук, яркость, словно кто-то специально настраивал телевизор. Обычные тени превращались в бредовые видения. Елена стала бояться спать в одиночестве. Несколько раз порывалась сходить к психотерапевту, но останавливалась. Облегчение, нет, больше — спасение приносили тренировки. Она уже долгое время изучала основы боя на ножах и забывалась в спаррингах, выплескивала энергию, мысли становились холодными, страх отступал. Но, стоило повернуть ключ в замочной скважине, все начиналось заново. Антон часто заходил к сыну, видел, в каком Елена состоянии, но любой его вопрос разбивался о глухую стену. Они жили раздельно, хотя официально разведены не были. Антон не желал этого из-за сына.

Все было бы в порядке, если бы год назад снова не появился Олег...

Они познакомились гораздо раньше, пересекались в походах, в спортивных клубах, у них были общие друзья. Оба сильные, яркие, склонные к острым ощущениям, они не могли не заметить друг друга. Бурный роман вспыхнул с

бешеной страстью и сгорел в ней же, не выдержав накала эмоций. Елена вышла замуж за Антона, который давно ее добивался, родился сын... Погруженная в быт, она реже вспоминала о давнем романе, но... Судьба свела их еще раз год назад, на встрече клуба путешественников. И Елена снова прыгнула в тот же омут. Несколько бурных ночей, разбитая посуда и окончательный выбор в пользу семьи. Антон не дал себя обмануть и ушел. Сейчас они с трудом пытались восстановить отношения ради маленького Ярослава.

Но тоска ее не покидала. А теперь казалось, что мир потускнел.

В перерывах между кошмарами Елене снились другие образы, которые приносили спокойствие — путешествия в излюбленные ею места. Страстная путешественница, скалолазка, любительница неизведанного, она понимала, что сможет прийти в себя только в глухом лесу, на походном маршруте.

Время шло к середине июля. И Елена поняла, что больше так не выдержит. Оставалось или сойти с ума или пойти за велением снов. Она отправила сына к Антону и начала с особенной поспешностью собираться в поход — всего три дня, которые принесут спокойствие и разрядку взвинченным нервам.

С выбором маршрута проблем не возникло. Она несколько раз совершала восхождение на гору, великолепную в отношении положительной энергетики. Елена справедливо рассудила, что это место поможет ей привести мысли и беспокойную душу в порядок. Идти она решила в одиночестве. Дорога известна, тем более что эта полумифическая гора была вождеденным объектом всевозможных паломничеств и обрядов — от отсутствия людей на маршруте страдать еще не приходилось. Скорее, наоборот.

«17 июля. До поселка меня подбросили на попутной машине. Отметилась в администрации. Собираюсь вернуться через три дня. Как и следовало ожидать, обнаружались попутчики. Пятеро то ли буддистов, то ли даосов, то ли все вместе. К вечеру пришли к подножию горы. На душе легко и спокойно... Паломники разводят костер, ужинаем совместно. Подниматься буду на рассвете...

18 июля.

Это была первая ночь за последние два месяца, которую я провела без кошмаров. Всюду камни... Они теплые, нагретые солнцем... Гора представляет собой огромное количество наваленных друг на друга валунов — удивительно, как она держится! Я поднялась быстро, легко!

Похоже, сегодня духи в хорошем настроении. Правда, с подъемом пришлось повременить — с утра шел ливень. Паломники плясали под ним и все смотрели в небеса — по легенде, в плохую погоду здесь можно увидеть человека-птицу с крыльями вместо рук. А иногда даже нескольких. Это место пронизано мифами, недаром сюда стремятся отправлять всевозможные культы...

Поднимаюсь в одиночестве — мои спутники решили отложить подъем до следующего рассвета. Ливень прекратился, выглянуло солнце...

Перед подъемом, как обычно, молюсь духам горы, прошу пропустить меня. Кладу кусочек хлеба к подножию. По восхождению часто останавливаюсь, прислушиваюсь к тишине... Нахожу несколько халцедонов. Интересно, откуда они здесь?

Вершина горы утопает в тумане, который постепенно скатывается вниз. Я благодарю духов за удачный подъем, оставляю символическое подношение. Нигде не дышится легче, чем здесь...

Пора готовиться к ночлегу».

Елена закрыла дневник и убрала его в рюкзак, плотно затянула ремни. Сняла с головы косынку, спрятала ее в карман. Прошлась немного, щурясь в закатное небо.

Внезапно острая боль пронзила левую

щиколотку, и что-то прошуршало под ногами. Елена успела заметить ускользящий матовый росчерк, дернула штанину вверх. Два крохотных пятнышка наливались багровым цветом, и от них поднималась боль. Перепуганная девушка выхватила нож, полоснула под местом укуса, сдавила мышцу пальцами. Из раны потекла кровь вперемешку с желтоватым ядом. Она села на землю спиной к высокому камню.

«Нужно наложить жгут».

Елена четко знала, как действовать в экстренных случаях, и не позволяла панике завладеть ею. Она стянула ногу косынкой.

«Нельзя двигаться... но все же необходимо идти к людям. Мне нужны лекарства. Попросить помощи у паломников. Они помогут добраться до дороги, а там — машины...»

Она попыталась подняться, но мышцы почти не слушались. Вот тогда-то Елену и накрыл окончательно липкий страх. Девушка хотела позвать на помощь, но голос тоже отказался повиноваться. Да и смысла в том не было — люди слишком далеко. Стремительно сгущалась темнота, солнце скрылось за горизонтом, предварительно сверкнув в мозгу.

Елена вцепилась в землю, обдирая руки о камни, проползла пару метров и, сделав усилие, смогла подняться. Хватаясь за тоненькие деревца,

она шла вперед, к спуску. В горле начались спазмы, хриплое дыхание перехватывало. Сквозь подступающую дурноту слышались человеческие голоса, Елена отчаянно рванулась на них в вечерний туман. И в этот момент последние силы оставили ее.

Девушку привел в чувство жар, палящий кожу. Она приоткрыла глаза, с усилием подняла голову.

Высокий камень, от которого удалось отползти лишь на пару шагов, светился изнутри красноватым пульсирующим светом. Остальные краски померкли, окончательно стемнело. Камень притягивал к себе, призывал, дрожал и переливался. В верхней части, над причудливым выступом, напоминающим нос, загорелись два желтоватых пятна. Пульсация камня приобрела четкий ритм, передающийся по земле дрожью, похожей на гулкое сердцебиение. Камни поменьше, что лежали рядом, вдруг шевельнулись и начали покрываться тонкой сетью красноватых прожилок. Жар стал нестерпимым, трава пожухла и скрючилась. Пульс перебил собой любые другие звуки и ощущения, буквально сотрясая землю, все сильнее и сильнее.

Мощный толчок разметал камни, за которые держалась Елена, нога проехала по скользкой грязи, и, не удержавшись, девушка полетела вниз по

склону, обдирая кожу и одежду. Мелкие камни градом покатались вниз. Древесный ствол замедлил падение. Елена обхватила его руками. Онемевшая нога не слушалась. Ниже склон круто обрывался.

Пульсирующий камень раздвоился в глазах, от него отделилась его же призрачная копия. И из жаркого тумана соткалась человеческая фигура. Из камня вверх ударил луч багрового света. Человек подошел к краю спуска и что-то предупреждающе прокричал на незнакомом языке. У него были длинные волосы, в руках он держал лук. Человек крикнул еще раз, скрежещущим хриплым голосом. Затем медленно натянул лук и прицелился в сторону Елены.

Она хотела ответить, но язык не слушался. Стрела с ярким оперением вонзилась в дерево, прошив ее волосы. Человек натянул лук снова, уже более уверенно. Но, одновременно с этим, камень, пульсация которого достигла невероятной силы, раскололся на несколько частей. Вся гора, от подножия до вершины, вздрогнула, ослепительным светом вспыхнули осколки камня, и раздался взрыв. Силовая волна отбросила путешественницу вместе с деревом и кучей камней и накрыла с головой.

Человек на вершине горы опустил лук и замер, склонив голову.

Глава 3

Высеченная искра упала на тонкие пленки бересты. Огонек пробежал по ним вверх и перекинулся на услужливо подброшенные кусочки коры покрупнее. Осветил пальцы с мозолями на подушечках, два бронзовых перстня с недорогими, искусно оправленными камнями. Облизав кору, огонь принялся за тонкие сухие ветки и обнаружил собой довольно грязный темно-зеленый манжет с вышивкой салатного цвета. Манжет переходил в широкий полотняный рукав, далее выявлялся кожаный жилет и шерстяные дорожные брюки. Мозолистые руки с коротко обрезанными ногтями соорудили колодец из нескольких смолистых бревен. Утвердили на шесте помятый котел. Вскоре огонь весело зашумел, загудел и выбросил на штаны рыжий уголек. За пределами кострового света что-то бренькнуло, грохнулось и пронзительно выругалось:

— Четим! Еще раз споткнись о твой чаранго и спялю его к лешим!

Четим снял с ног ботинки и развернул их голенищами к костру, блаженно вытянул босые ноги.

— Не бушуй. Еще немного времени, и мы будем валяться в чистых постелях и упиваться цветочным медом.

— Если тебя, паршивца, не выкинут в первый

же вечер, как в прошлый раз.

— Было б из-за чего! Подумаешь, ущипнул юную лучницу, куда не полагается... а ей, кстати, понравилось. Ханжи!

— Тьфу! И что вы находите в этих лучницах!

— Уж извини, я привык к женщинам без шерсти на лице.

Четим извлек из-за спины неоципанную утиную тушку, во все стороны полетели перья. Собеседник чарангиста, рыжий вазашек Токус снисходительно посмотрел на него и принялся аккуратно чистить съедобные корни. Через некоторое время в костер с шипением начал капать аппетитный жир. Четим бросил в закипевший котелок горсть сушеных трав и достал берестяную чашку.

Обжигаясь, вазашек и музыкант пили крепкий отвар. Затем Четим взялся за сочную утку, с аппетитом вгрызаясь в мясо, а Токус стал смаковать корни. Вторую порцию отвара щедро разбавили содержимым берестяной бутылки, запечатанной глиняной пробкой.

— Счастье есть! — объявил Четим, опрокидывая остатки напитка в рот.

Он вытащил из тоненькой бородки застрявшее перо, расчесал пятерней выгоревшие спутанные волосы и изрек:

— Окунуться бы на ночь. Пройдусь-ка до

ручья.

Вазашек уже начал разрывать когтями ямку для ночлега в массивном корневище. На поясе у него висел кривой нож и деревянная флейта.

Четим скинул с себя жилет с рубахой и взял котел — набрать свежей воды.

— Эй, погоди!

— Чего? — оглянулся чарангист. Токус настороженно пригнулся в сторону ручья, подергивая влажным черным носом.

— Люди недалеко! Запах человеческий...

— Мало ли народу путешествует? — пожал Четим плечами.

— Нет-нет, запах резко появился! Я чувствую людей гораздо раньше... странно.

— Ничего странного. Это от меня смердит, как от целой толпы. Все, я к ручью!

Токус вернулся к обустройству ночлега, но только-только разложил траву, как раздался изумленный вопль Четима:

— Ого! Токус! Сюда, быстро!

Вазашек вскочил и помчался на голос товарища. Четим стоял на коленях у спуска к ручью. Токус заглянул ему через плечо и не отличился оригинальностью:

— Ого! — и, подумав, добавил. — Живая?

— Да. Вроде, спит.

— Наверно, путешественница...

— А вещи где? И без костра...

— На одежду глянь! Откуда такая? Рваная...

— Понятия не имею! Вот, лихой забери! Эй, дамочка! — Четим потряс девушку за плечи. — Крепко спит. Вот те раз... Надо ее к костру перетащить.

— Она может оказаться колдуньей!

— Какой еще, к жунским лешим, колдуньей?

Пошли к костру, там разбираться будем.

Четим поднял девушку на руки и двинулся к месту ночевки.

Чарангист и вазашек, подперевшие в задумчивости подбородки ладонями, являли собой живописную картину. Просыпаться девушка упорно не желала. Кожа ее зарумянилась от кострового жара, и выглядела она вполне здоровой и обычной. Только спящей. На холодную воду, легкие пощечины и крики в ухо не реагировала. Зато дышала мирно и спокойно, даже чуть улыбалась.

— А ничего так... — протянул Четим.

— Да ну! — скептически скривился Токус. — Совсем странная какая-то. И руки грязные.

— На свои лапы посмотри.

— Делать-то что станем?

— А что тут сделаешь? — чарангист зевнул. — Я вот спать хочу. Фу, и мыться уже лень

идти. Пусть она спит себе, утром разберемся!

Он укрыл девушку плащом. Вазашек передернулся, пригладил шерсть на загривке.

— Фр-р-р... Странно все это, но ты прав — решать надо утром.

Костер потихоньку угасал, и, наконец, превратился в светящиеся, подернутые пеплом угли. Маленький табор постепенно погрузился в отдых. Четим поглаживал во сне чаранго и что-то бормотал. Далеко в лесу переухивались совы. Яркие и близкие звезды переливались в небе.

Теплая, сонная, мирная ночь завладела поднебесным миром.

Елена пришла в себя посреди глухого леса. Казалось, на теле нет живого места. Руки покрыты ссадинами. Она приподнялась, закашлялась, потянула за собой ногу. Мышцы больше не болели и слушались. Мучила дикая жажда, на коже скрипела сухая земля. Монотонно пели над ухом комары.

Из дупла напротив на нее уставилась пара круглых желтых глаз. Глаза сморгнули и заявили:

— У-гу!

— Чтоб тебя... — ответила Елена сквозь зубы.

— Ух-ух! — подтвердили из дупла.

Она посмотрела вверх. Небо сплошь затянуто тучами, ни одной звезды. Прислушалась.

Лес наполнен вечерними звуками. Шумел ветер, кто-то стрекотал, кто-то шмыгал по лесной подстилке. Орала полоумная ночная птичка. Девушка прислушалась тщательнее. Журчания воды не слышно. Пить хотелось все сильнее и сильнее.

— Ух-ху!

— Что «ух-ху?!» — передразнила Елена. — Лучше бы к ручью отвела!

Она встала и огляделась. Ровный, густой лес. Никаких признаков горы.

«Здорово же меня отбросило. И повезло — в таком землетрясении выжить. Если я, конечно, жива!»

Ветер гнал тучи по небу. Похоже было, что скоро прояснится. Между тучами проглядывали невероятно яркие звезды.

Елена осторожно сдвинула косынку на ноге и тронула место укуса. Небольшая припухлость оставалась, но нога работала свободно. Сильно кружилась голова. Она провела пересохшим языком по деснам.

«Наши леса сплошь изрезаны ручьями. Если я пройду хоть немного, услышу звук воды. С утра, под солнцем, будет идти тяжелее».

Девушка осторожно пошла, касаясь руками деревьев. Шуршала листва под ногами. Вдруг что-то хрустнуло. Елена опустила голову и

вскрикнула.

Звездный свет выхватил из темноты скелетик. Он был похож на скелет ребенка, только с несоразмерно длинными руками и огромным черепом. На нем сохранились куски одежды и костяной панцирь.

— Хуу-ух!

Елена по инерции вскрикнула снова. Сова села прямо перед ней на ветку и тоже заинтересованно уставилась на скелет. Девушка попятилась прочь.

Сова перелетела чуть дальше и оглянулась. Елена пошла за ней. Та одобрительно ухнула, сделала оборот вокруг дерева и бесшумно полетела вперед, то и дело присаживаясь на ветки, глядя на Елену желтыми круглыми глазами. Так они и пробирались по лесу, отрываясь друг от друга не более, чем на десяток шагов. И вскоре слух девушки уловил звонкие переливы.

Сова села на ветку и несколько раз моргнула, склонив голову набок.

— Благодарю... — потрясенно прошептала Елена.

Птица расправила крылья и встряхнулась, ошетишила перья.

Елена полезла рукой во внутренний карман и извлекла бумажный пакетик с печеньем. Больше никакой еды у нее с собой не было. Она положила

пакетик под дерево. Сова скептически сощурилась, но тут же одобрительно ухнула.

Елена долго пила и умывалась ледяной водой, сполоснула в ручье испачканную кровью косынку, промыла ногу. Потом разрыла лесную подстилку и легла, свернувшись клубком в корневище дерева, поодаль у ручья. И быстро уснула.

Рассвет разбудил ее холодом. Путешественница откинула шерстяное одеяло, огляделась и вздрогнула — из-под капюшона болотного цвета на нее уставился заинтересованный, чуть раскосый глаз.

— Д-доброе утро, — стуча зубами от холода, сказала она.

Помня о случившемся, девушка решила, что ее нашли местные туристы.

Капюшон шевельнулся, из-под него явился второй глаз, а следом и все остальное. Человек отбросил плащ, поднялся и подбросил в практически остывший костер хворосту. Раздул угли. Огонь заплясал, озябшая девушка протянула к нему руки, потерла друг об друга.

— Бачигоапу! Аясину? — выдал человек.
(Доброе утро! Как вы себя чувствуете?)

Елена удивленно подняла брови:

— Банихан... эмम्म... Ая... эпи аясямби...*(Спасибо... Хорошо...)*

— Суэ гэрбусу уй? — поинтересовался незнакомец. (*Как вас зовут?*)

Девушка вспомнила словари и монографии, что лежали на рабочем столе.

— Елена... — вымолвила она. — Суэ гэрбусу уй?

— Четим! — бодро объявил незнакомец. — Бамадиджид нагамо. (*Странствующий музыкант*).

— Четим... — Елена с трудом подбирала слова. — Сумбивэ эчиэ отолиаи... (*Я не понимаю*).

— Хаядиади дичису? — не отставал тот. (*Откуда вы?*)

Много лет занятий лингвистикой пошли на пользу. Елена солидное количество времени посвящала изучению вымирающих языков. Она знала элементарные фразы на индейских языках, бегло изъяснялась на ульчском и нанайском, особенно глубоко проштудировала объемные труды, посвященные языку народа оджибвеев.

Теперь она слушала речь, представляющую собой дикую смесь нанайской речи, сдобренной древними оджибвейскими словами. Благо, через слово, но понять хоть что-то, и даже ответить она могла.

— Вы понимаете по-русски? — сделала девушка попытку. — Суэ русский хэсэвэни отолису?

— Русский хэсэвэни? — Четим наморщил

лоб. — Ми гвиинави о хэсэвэни... (*Я не знаю такого языка*).

— Да вы что, издеваетесь?!

— Эчиэ отолиаи! Гиванадиджи! (*Не понимаю! Сумасшедшая!*)

Тут из-за спины послышалось фырканье. Елена оглянулась.

С десяток птиц, распевавших на дереве утренние песни, с недовольным шумом взлетели, спеша убраться от источника перепуганного визга.

На Елену оценивающе глядели маленькие черные глазки-бусинки в обрамлении рыжего меха. Вазашек спросонья почесывал когтями мохнатую грудь, зевал, демонстрируя острые желтоватые зубки, и подтягивал желтые полотняные штаны.

— Тихо! Тихо, говорю! — Четим перехватил Елену в попытке отползти в костер. — Да успокойся ты!

Существо с неуклюжим человеческим торсом и головой, напоминающей помесь крысы и суслика, обиженно и гордо пожало плечами и отвернулось.

— Вы кто такие?! — закричала Елена.

Четим недоуменно посмотрел на нее, хотел было говорить, но тут девушка снова бросила взгляд на Токуса и потеряла сознание.

— Эктэни! Хей... Эктэни... (*Женищина...*)

Елена пришла в себя, ощутила на губах вкус

крепкого питья, и перед ней сфокусировалось обеспокоенное лицо чарангиста. За его спиной маячила мохнатая морда. Девушка приподнялась, потерла лицо ладонями. Вдруг мохнатый зацокал тревожно и дернул Четима за плечо.

— Сиривам! Хэ! — приказал Четим, указывая Елене на корневище. *(Прячься!)*

Девушка повиновалась и отползла к теплой ямке, устланной травами.

Четим натянул небольшой, но мощный лук, который носил за спиной. Токус выхватил нож из-за пояса. Под пригорком послышался шорох, среди мха замаячил сухой пучок травы. Вазашек заорал что-то, подобрал камень и метко швырнул его в пучок. Четим присоединился к воплю товарища, пнул с пригорка другой камень. Шорох снова повторился и постепенно затих.

Чарангист опустил лук.

— Тварь трусливая! Уходим отсюда! Еще приведет своих...

И путники дружно уставились на Елену, дрожащую в корневище дерева. Девушка поймала себя на том, что царапает ладонями древесную кору, и, кажется, уже получила несколько новых ссадин. Она сцепила руки перед собой и нервно улыбнулась.

Елена знала оджибвейский и нанайский

языки, по меньшей мере, настолько, чтобы не запутаться в словах и продуктивно вести диалог. Совмещала она слова двух практически несочетаемых языков на уровне интуиции. Правда, ее терзали подозрения, что заданный одним из первых вопрос «А что это за крыса?», вряд ли поспособствовал доброжелательному отношению к ней вазашка. С Четимом разговор кое-как налаживался.

— Суэ...хэсэв... инааджимо гэрбусу? — тщательно подбирая слова, осведомила она у чарангиста. *(Что это за язык?)*

— Нани до хэсэвэни, — отвечал он. — Гетэ хэсени. *(Это язык людей. Старый язык).*

Затем чарангист принялся разъяснять ситуацию Токусу. В ответ вазашек только фыркнул:

— Вот так-так! Надо же, вымирающие языки, видите ли! Да с какой звезды эта дамочка свалилась?!

— Успокойся, Токус, не ерничай, — задумчиво протянул чарангист. — Боюсь, она действительно «свалилась» не из соседней деревни.

— Да по мне хоть с Горы пришла! А нам идти надо! И позавтракать вначале. А вообще, она, похоже, просто свихнулась.

— Свихнулась или нет, мы не можем ее бросить просто так. Она абсолютно не соображает, где находится. Говорит, змея укусила на каком-то

холме... Мы должны ей помочь!

— И как же? — недовольно пискнул Токус. — Дать пинка, чтоб обратно не-знаю-куда улетела? Шла же откуда-то, вот и пускай идет!

— Не дело бросать заблудившегося странника. Да еще и не вполне нормального. Она не опасна, обычная женщина.

— Дамочка, идти-то сможете? — свысока обратился к ней Токус и тут же перебил сам себя. — А, ну ее! В дороге, может, выясним, что ее просто по голове приложило хорошенько. Авось, память вернется.

Елена только переводила взгляд с одного внезапного попутчика на другого. Упомянутые ею названия населенных пунктов не вызвали у Четима ровным счетом никаких эмоций и привели только к ступору разговора.

Зато вполне результативным оказался завтрак наспех холодной утятиной с горячим чаем. К этому времени уже окончательно рассвело, и в чистое небо выплыло огромное рыжее солнце. Елена замерла с чашкой чая в руках.

Солнце, явившееся из-за горизонта, оказалось в добрых четыре раза больше, чем то, которое освещало ее путь еще вчера, у подножия заветной горы.

Так или иначе, но дальнейшая дорога ждала.

Придирчиво осмотрев новую спутницу, чарангист вынужден был признать, что ее экипировка вполне позволяет прошагать приличное расстояние. Елена одета в плотный костюм с множеством карманов и капюшоном от дождя, теплый свитер, подпоясана широким ремнем. На ногах — хорошие кожаные ботинки на толстой подошве. Осматривая карманы, она с сожалением вспоминала рюкзак, сброшенный с плеч под куст. Но их содержимое могло быть и хуже — неплохой охотничий нож, зубная щетка, спички (правда, отсыревшие), моток веревки и иголка с ниткой. В одном кармане оказалось несколько небольших халцедонов, подобранных при подъеме на гору. Она еще раз тщательно промыла ногу. Кроме двух запекшихся пятнышек и шрама от пореза об укусе ничто не напоминало.

Они сошли с пригорка, где провели ночь, и практически сразу же оказались на дороге, усыпанной мелкой галькой. Елена обогнала новоявленных спутников на два десятка шагов и огляделась. Дорога шла под уклон. По обеим сторонам расстилались поля, перемежаемые редкими деревьями. Чуть поодаль виднелись гряды сопок. Вполне привычный красивый пейзаж. Через пару часов неподалеку от дороги показались залитые солнцем поля, а за ними — маленькие треугольные строения.

— Кто здесь живет? — спросила

путешественница у Четима.

Чарангист принялся медленно и с расстановкой объяснять. Это небольшое поселение крестьян, или жунов. Сейчас время к обеду, поэтому на полях никого не видно. Между прочим, обед — неплохая вещь!

Елена привыкла решать проблемы по мере их поступления. Сейчас главной задачей стало налаживание общения с ее странными новыми знакомыми. Она благодарила от души свое лингвистическое образование. Вот и интерес к древним языкам наконец-то оказался не лишним.

«Покрутите мне еще пальцем у виска» — мстительно думала девушка в адрес определенных товарищей, повторяя за Четимом простые слова и предложения. У чарангиста же грозился развиваться прогрессирующий нервный тик — новая знакомая желала услышать все — от названия ближайшего дерева до вежливых (и не очень) речевых оборотов. Все еще обиженный на «крысу», вазашек снисходительно посматривал на них. Елена потихоньку приучала себя не слишком сторониться Токуса. Несмотря на, мягко говоря, необычную внешность, он казался безобидным и даже довольно милым.

Вызнав у Четима, что «бохенский язык является родным для всех людей, а также жунов и

вазашков, невзирая на незначительные оттенки диалектов», она решила, в первую очередь, освоить этот самый язык хоть как-то прилично. Слова, которые дома казались таинственными и странными, здесь согревали душу.

Через некоторое время они подошли к неширокой вертлявой речушке.

— Привал! — объявил Токус.

— А вот и обед! — сказал Четим, извлекая из своего мешка намотанную на палочку лесу. — Обед всегда рядом! Не ходит, так плавает. А в особо грустных случаях — растет!

— Я сделаю костер! — сказала Елена.

— Умеешь? — недоверчиво покосился музыкант.

Девушка кивнула и отправилась по берегу в поисках плавника. Токус и Четим повернули на каменистую косу. Когда они вернулись, над костром уже закипал котелок.

— О-о! Это я понимаю! — одобрил чарангист, бросая на землю связку из десятка хариусов. Елена взяла нож и принялась за потрошение.

Как известно, лучше всего думается на ходу. Елена немного успокоилась и привела мысли в порядок, насколько это возможно.

К вечеру снова подобрался назойливый страх. Путешественница устроилась чуть поодаль от

спутников, занялась починкой рваной одежды и, по давней привычке, проговорила вслух итоги дня. При этом старалась настроить себя оптимистично.

«Первый итог: что греха таить, по восхождению на полумифическую гору я желала чего-то подобного. Я хотела освободиться от преследовавшего меня страха. Вот. Освободилась. Если я правильно понимаю, это и есть то самое «Поднебесье», о котором сказал перед смертью Олег. Что открылось ему в тот момент? Почему он так упорно звал именно меня до последнего? Оттого, что он любил меня так сильно, как всегда говорил? А я так и не решилась ему ничего ответить... Сейчас передо мной лежит дорога. Возможно, пройдя по ней, я, наконец, найду ответ на вопрос, который Олег так часто мне задавал... и узнаю, что он так рьяно пытался сказать перед смертью. Если он здесь жив, то это, может быть, и есть мир мертвых... Где искать? Узнаю ли я его?...

Второй итог (самый неприятный): меня хватятся самое большее завтра. Переполошатся родные и друзья, пошлют спасателей, начнут опрашивать тех паломников.

Третий (вытекающий из второго): неплохо бы найти способ дать о себе знать родным. Если сюда можно попасть, значит можно и выбраться. А вот паниковать не стоит — жива, здорова (не уверена, что психически тоже, ну да ладно), срочно съесть

меня на ужин или продавать в рабство никто не собирается (по крайней мере, пока).

В конце концов, это вообще может оказаться сон или какая-нибудь бредовая галлюцинация. Кстати, по таким неплохие рассказы получаются. Спокойно, Елена. Это всего лишь очередной поход, между прочим, довольно интересный. Хорошее дополнение к имеющемуся опыту».

Первым (и самым адекватным) решением Елены стало «добраться до более-менее крупного населенного пункта».

Токус и Четим, бродячие музыканты, держали путь в некий Лесной Чертог — обитель народа лучников, где они желали выступить на празднике. Правда, Елену больше устроило бы общение с простыми людьми, но здесь выбирать не приходилось. Она понимала, что если сейчас рванется, куда глаза глядят, в одиночку, тогда, не конец, так острый психоз ей обеспечен. Попытки узнать, чем отличается лучник от человека, у Четима вызывали замешательство, а у Токуса — довольно презрительный взгляд. Елена решила действовать по ситуации.

Раз, расположившись на ночлег, Токус помешивал в котле тушившуюся с дикими травами утку и периодически поигрывал на флейте, а Елена старательно повторяла за Четимом новые речевые

обороты. Сегодня они проходили небольшой березняк, и изобретательная девушка сняла несколько ровных аккуратных полос бересты. Очистила их от верхнего слоя, разрежала на квадраты средних размеров и скрепила меж собой нитками. Получилось что-то вроде книжки-гармошки. Затем взяла маленькую палочку, расщепила ее с конца, вставила острый халцедоновый отщеп и крепко замотала. Теперь, внимая чарангисту, она помечала на бересте наиболее важные слова и языковые особенности.

Вазашек снял с огня аппетитное варево.

— Перерыв в учебе! — пропищал он.

— Наконец-то! — обрадовался Четим и пожаловался. — У меня скоро язык отвалится! Это ж надо так заболтать!

Смешинки заплясали в глазах Елены.

— Ты... песняр... поешь хорошо? — произнесла она.

— Нет!!! — чуть не взвыл Четим. И тут же передумал. — Да! Ха! Меня весь Халлетлов знает! Я, можно сказать, сею зерна творчества на невспаханных душах!

— Ага, — подтвердил Токус. — Обычно это выражается в том, что душам приходится сочинять окончания песен, которые ты все время забываешь.

— Ты меня не компрометируй! — пригрозил Четим ложкой. — Я не забываю, а импровизирую!

Я о чем угодно могу спеть сей же миг! Вот слушай:

*Сегодня на ужин
утиная грудка,
ветер трепещет в
листве надо мною!
О, бедная эта
несчастливая утка,
Тебе не летать над
осенней землею!
О, бедная утка...
несчастливая утка-а-а...*

— Четим, будь другом, заткнись!

— А ты не завидуй! Утка-а-а-а... — уже неразборчиво пробормотал музыкант, отхлебывая из чашки.

— Сейчас вернусь, — Елена оставила странников наедине с котлом и побежала в сторону дороги.

Не успел Четим зачерпнуть рагу, как вдруг раздался истошный визг, и Елена с широко распахнутыми глазами снова влетела в круг костра. Да так удачно, что едва не сбила Токуса с ног, но удержалась и вцепилась рыжую шерсть.

— Что опять такое? — пискнул вазашек, выбрасывая мохнатую руку к охотничьему ножу на боку.

— Там... Там чудовище! Что это? Мамочки, вот оно!

Протрещали ветки, и к маленькому табору впрямь явилось «чудовище». Оно имело огромные глаза навывкате, толстые губы, смуглую кожу и жесткие курчавые волосы. Из этих волос гордо торчали три витых рога, похожих на бараньи. Массивные руки сплошь покрыты густой шерстью. Чудовище оказалось невысоким, широкоплечим и с пузиком, обтянутым полотняной рубахой, подпоясанной веревкой. Опиралось оно на кривую трость. Ноги оканчивались массивными копытами.

Токус убрал руку от ножа и дернул усиками, стараясь не рассмеяться. Так толком и не понявший, что произошло, Четим наконец-то взялся за рагу.

— Приветствую странников! — прорычало «чудовище». — Я смотрю, напугал, хмм... благородную даму? Извиняюсь!

На благородную даму Елена сейчас была похожа меньше всего, так что следует отдать должное благовоспитанности чудовища.

— Она никогда не видела жунов, — отозвался Четим, с аппетитом жуя. — Присоединяйся к нашей трапезе, друг! Эй, а ты так и будешь торчать, как заокраинная статуя? — последняя реплика была адресована шокированной девушке.

Огонь затрещал еще веселее. В узелке Жануя (так назвал себя жун) оказался свежий хлеб и чудесный сыр. Жун шел в деревню, до которой было две ночевки, чтобы передать какие-то письма.

— Чего пешком? — удивился Четим. — Волы перевелись?

— Можно и прогуляться! — отвечал Жануй, похлопывая себя по животу. — Жирок растрясти. Да и отдохнуть охота. Дома жена и детишек пятеро, а на той же улице не кто-нибудь, а теща родная поселилась. О как! И как затянет с утра пилить: «Жануйчик, а заборчик-то у вас сломанный! Зятек, а чегой-то все уже на покосе, а ты плетешься только?» У, карга! Сама б лучше с утра не забор сторожила, а доила побольше! Никакой жизни... — интимно завершил он свою исповедь. — Ты уж прости, что напугал! — продолжил жун, обращаясь к девушке. — И подумать не мог, с луны ты, что ли, свалилась, коли жуна ни разу не встречала! Ну да ладно!

Кстати, о луне. Елена глянула на небо и увидела тоненький-тоненький нарождающийся серп. Ночь только начиналась, и этот серп пронзал собой не менее четверти неба. Звезды гораздо больше и ярче, чем те, которые Елена привыкла видеть, но складывались они во вполне узнаваемые созвездия. Особенно ярко горела звезда недалеко от месяца — размером с половину земного солнца!

Но, тем не менее, ночи были темны, и звездный свет столь же холоден.

— А ночевать в одиночку в лесах ой как не люблю! — витийствовал, тем временем, словоохотливый Жануй. — Карлики, гады, так и лезут! Ну так и лезут! Неделю назад двоих селян едва не покалечили — разве ж это дело! Жунки отказываются в поле ходить без мужиков!

Четим поежился:

— Не к ночи бы о них говорить.

— Да что уж! К ночи, не к ночи... — махнул рукой жун. — В Больших Корешках опять собирают юнцов на Север. Вот я и иду с письмами от наших, чтоб, когда пошли, знак дали, и мы своих выставим.

Токус одобрительно кивнул:

— Да. Будь я чуть моложе, сам бы отправился. Даже завидую нашим мальчишкам.

— Неужто помогает? — скептически прищурился Четим.

— Не поверишь, да! — серьезно ответил Жануй. — Возвращаются через год-два — не узнать! Как уж их там натаскивают, не представляю, но... — развел он руками. — Уже много селений спит гораздо спокойней! И мы тоже хотим!

— Бр-р-р! Не разберешь, что и лучше, карлики или Север... — сказал Четим.

Негромкие голоса звучали убаюкивающе. Даром, что Елена потихоньку разбирала слова, смысл этих разговоров был для нее неясен. По телу разливалось блаженное тепло после сытного ужина. Ключнув несколько раз носом, девушка свернулась клубком под плащом. Вначале она еще пыталась уловить нить разговора, но вот ей стало казаться, что объемистый жун дрожит и превращается в тучу, а из тучи хлещут серебряные перья, почему-то острые, как стрелы. И она уже не помнила, когда это Токус осторожно поднял ее, уложил в удобном корневище и сам свернулся рядом теплым клубком.

С рассветом Елена услышала щебет целой стайки птиц совсем рядом. Жануй стоял неподалеку, чуть раскинув руки. В ладонях он держал по горсти зерна. Поползни и синицы с веселым щебетом прыгали туда-сюда по массивным рукам жуна, его голове, и даже балансировали на рогах. Сейчас, в дневном свете, жун несколько не казался страшным. Наоборот, он так гармонировал с этим утром, с растущими деревьями, что можно принять его за лесное божество. Точнее, нет, духа плодородия, заглянувшего на часок к лесным друзьям... Размышляя так спросонья, Елена подошла к жуну.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе! — ответил Жануй. — Смотри,

какая дымка! Как бы дождя не было б! Да мне что — сегодня к вечеру буду в Корешках.

— Я плохо понимаю ваш язык, — сказала Елена. — Но могу пожелать удачной дороги. Ты пойдешь с нами?

— Ну, наверно да! До Корешков все равно один путь ведет! Чего стоишь, на!

Он протянул горсть зерна. Вокруг Елены вились птички, тыкались клювами и разочарованно отлетали. Она с удовольствием подставила им ладони с едой.

— Все живые твари! — пробурчал жун. — Ты глянь, до чего наглые!

Елена улыбнулась, разглядывая ярко-оранжевые ободки вокруг птичьих глаз.

Вскоре путники распрощались с Жануем («Поктосу улэнди бигини!»), вежливо отказавшись от его приглашения заглянуть на огонек. Последующие несколько дней прошли мирно. Однажды, когда Четим собрался охотиться, Елена попробовала примерить руку к его луку. Чарангист немного перетянул тетиву так, чтобы он оказался девушке под силу. На привалах она училась стрелять по указанным мишеням, а потом ползала по крапиве в поисках ярко оперенных стрел.

В очередной раз выслушав историю Елены (уже практически без ошибок), Четим задумался и

сказал:

— Сколько лет странствую, ни разу не слышал, чтобы люди в Халлетлове оказывались таким образом...

— Халлет... что?

— Халлетлов. Это название нашей страны. Смотри, — он вынул нож и вспахал острием землю. — Сейчас мы направляемся на восток, к лучникам. Идем по землям жунов. Если возьмем чуть севернее, то попадем на территории, принадлежащие нам, людям. На западе находится страна народа муспельхов. На самом юге Халлетлова располагается гора, которая считается его центром и осью...

Елена слушала, и вдруг ее осенило:

— Четим, а в какой стороне находится океан? — это слово она произнесла на родном языке.

— Что? А что такое «океан»?

— Ну, океан... бескрайняя, огромная вода, берега которой не видно... Корабли у вас есть? Флот?

— Совершенно не понимаю... как у воды не может быть края?

— Черт побери... ну на чем вы передвигаетесь по рекам?

— На лодках, каноэ, маленьких парусниках.

— Вот. А по океану ходят такие же

парусники, только в сотни раз больше! И можно плыть и не видеть земли много дней.

— Нет, — покачал головой Четим. — Не знаю я ни о какой воде без берега. Разве что, это похоже на облачные моря... но по ним люди не передвигаются. Для этого нужны крылья.

— Ты сказал «таким образом». То есть, как-то по-другому сюда можно попасть? И вы верите в существование других миров?

— Мы много во что верим. Люди Бохена верят, будто их души постоянно перерождаются. Кто-то видит сны о прошлой жизни. Такую ерунду иногда говорят... — музыкант махнул рукой. — Например, что погибший здесь человек может родиться заново в другом мире. А погибший там — рождается в Халлетлове. Но именно рождается ребенком, естественным путем. А не сваливается на голову дамочкой в расцвете сил! Да и вообще, сколько лет этим легендам...

«Вот как! Интересные у вас легенды. Очень интересные. Значит, души перерождаются... И в образе какого двухмесячного ребенка мне тебя искать? Нет, здесь что-то другое, я уверена».

Мир, открывавшийся с каждым шагом, завораживал и увлекал.

«Кто знает, какое отношение в этом мире к землянам. Нельзя судить по двум, в общем-то,

простым и бесхитростным его обитателям. До того, как приоткроется смысл просьбы Олега, я должна быть как можно осторожнее».

Совместно с Четимом они придумали простую легенду. Сирота, родителей и дома не помню. Бродячая сказочница. Подверглась нападению шайки бандитов, ударили по голове, ограбили, все отобрали. Потеряла память.

— В Бохене есть особенный дом, — рассказал Четим в другой раз, — в котором держат сумасшедших. И часть из них бредит о каком-то ином мире, будто там и живут. Туда никого не запускают, говорить с ними могут только те, кто имеет разрешение. Какие-нибудь важные особы. Уж не знаю, для чего им это случилось! Я бы сам и за бочку хмеля... бр-р-р! Но, может, из них и можно выудить что-нибудь полезное для тебя, кто знает. Да, таких сумасбродов называют медиумами. В Чертоге через месяц состоится большой Осенний праздник, где всегда бывают бохенцы. Быть может, они чем-нибудь помогут тебе...

Места, которые путники проходили, были относительно тихими и спокойными, а изредка встречающиеся прохожие настроены вполне дружелюбно.

Однажды навстречу вывернул крошечный караван, состоящий из четверых людей-торговцев верхом на милейших осликах и повозки, в которую

также был впряжен ослик. Поприветствовав друг друга, путники свернули все вместе с дороги и расположились на привал. Тут Елену поджидало неожиданное везение.

Пару дней назад они пережидали сильный дождь под сенью раскидистых деревьев на берегу маленького ручейка. Елена отмывала в ручье заляпанную обувь, и ее внимание привлекли великолепные желваки черного базальта. От нечего делать она взяла с собой несколько штук, нашла пару галек правильной формы и до вечера развлекалась вволю, разбивая желваки на ровные острейшие сколы. Еще дома она училась делать разные вещи таким способом. И выловленную на ужин рыбу не без гордости распластовала новеньким каменным ножом. Спутники, осмотрев нож, в один голос выразили одобрение. Елена захватила с собой дюжину самых удачных сколов, и через пару дней из-под ее рук вышли два чудных ровных наконечника для дротиков. Один она повесила на шею.

На эту-то подвеску и обратила внимание женщина-торговка и предложила продать. Женщине достался наконечник, а Елена получила семь тоненьких полупрозрачных пластинок. Она рассмотрела одну на свет.

— Это же халцедон!

— Лунный камень, — поправил Токус. — Семь пластин за твой наконечник — не очень высокая цена. Могу поклясться, перепродает она его за все двенадцать.

Но Елену сейчас интересовало не это.

— У вас что, в качестве денег халц... эти лунные камни используются?

— Да.

— И какова их ценность? Сколько можно купить на десять пластинок?

— Смотря, что тебе нужно. За три пластины можно получить хороший ужин. Еще за четыре — ночлег на постоялом дворе. За триста пятьдесят — купить небольшой участок земли. Но все зависит от того, где ты находишься. И еще от умения торговаться, — хитро закончил вазашек. — В следующий раз продавай свои изделия дороже!

Елена машинально ощупала внутренний карман с халцедоновыми желваками. Вот так шестое чувство! Вот так уберегло от того, чтоб выбросить «ненужные» камушки.

— Будьте осторожны в пути! — предупредил главарь каравана после того, как они пообедали. — Два дня назад на нас напала шайка карликов. Этих тварей было немного, но с ними оказался, — торговец передернулся, — камнелюд. Мы перебили всех. Держитесь жунских селений.

— Да уж, спасибо за предупреждение, — мрачно отвечал вазашек. — Но наш путь лежит в Лесной Чертог, а перед ним несколько дней пустынных земель.

— Кстати, пора избавиться от этой дряни! — сказал другой торговец. В руках он держал кривую палку с замотанной верхушкой. Елена с любопытством подошла поближе, а мужчина с отвращением размотал грязную ткань. Девушка метнулась прочь, зажимая рот рукавом. Под тряпкой оказалась маленькая, сморщенная, наполовину разложившаяся голова со слипшимися от крови седыми волосами. Торговец стряхнул своеобразный вымпел на землю, отшвырнул палку, а голове наподдал пинка.

— Мы тащили ее с собой после той стычки, — объяснил мужчина, косясь на бледную Елену. — Некоторые говорят, что это наводит страх на карликов. По крайней мере, больше они нас ни разу не беспокоили.

— Вы торгуете оружием? — спросил Токус. — Нам нужно что-нибудь для девушки. Сами-то мы вооружены, а у нее не так много возможностей защищаться.

— Зато, как я смотрю, есть возможность сделать каменный кинжал! — заметил Четим. — Но ты прав, вазашек! Что вы можете продать?

Предложить торговцы могли немного, но

Елена с помощью друзей выбрала вполне надежный стальной нож, за который пришлось отдать второй наконечник и полученные семь пластинок. А вечером Елена расщепила свои халцедоны на множество маленьких сколов.

Ближе к вечеру они свернули в жунское селение. По словам Четима, до земель лучников отсюда оставалось четыре дня пути через пустынные места, которые стоит пройти как можно быстрее, делая поменьше привалов. Перед этим рывком следовало отдохнуть. Флейтист и чарангист облизывались в предвкушении жунского вина и крыши над головой. Елена полностью поддерживала идею хорошего отдыха. Ее утомил недельный переход после пережитого происшествия, зато любопытство к этому миру разгоралось едва ли не с каждым новым словом. Кроме того, упоминания о каких-то карликах вовсе не вдохновляли на мгновенные ночные переходы.

Они свернули на широкую тропу и миновали отдельно стоящее дерево. Двое путников не удостоили его лишним взглядом, зато Елена остановилась.

— Эй, ты чего? — обернулся Четим, когда они ушли уже шагов на пятьдесят вперед.

Кору на обращенной к дороге стороне дерева стесали так, что получилась гладкая поверхность.

На получившейся плоскости вырезаны знаки, которые складывались в переплетение ломаных линий, имеющих определенную закономерность.

Елена прикоснулась рукой к шершавой коре.

— У нас такой узор называется «меандр».

— Какой еще узор! — крикнул Четим. — Это указатель деревни обычный. Не отставай!

— То есть вы пишете таким способом? — уточнила Елена, догоняя товарищей.

— Именно так!

Они подходили к селению. У одного перекрестка им встретилась повозка, запряженная бычком. Управлял повозкой молодой жун, а в ворохе свежей пахучей травы на ней возилось двое ребятишек. Как на подбор, крепкие, с ровненькими рожками и ясными черными глазами.

Селение уютно устроилось на берегу неширокой речки. Оно насчитывает несколько десятков жилых домов и множество хозяйственных и общинных построек. Дома на некоторую глубину уходят в землю. Сверху сооружены крыши из жердей, крытые соломой, дерном и еловым лапником. Над крышами курятся дымки. Двери сделаны в соответствии с фантазией владельцев — сбоку, в пологом скате или через земляной ход, обозначенный деревянными заслонами. А есть и такие, где вход совмещается с дымоходом в крыше, к нему по верху ведут лестницы — бревна с

затесами. На противоположном берегу реки высятся покатые сопки, и несколько вертлявых лодок покачиваются, привязанные к шестам.

Жизнь в селении бьет ключом. Туда-сюда снуют жуны и жунки, носятся ватаги жунят — только пыль столбом стоит! Дворы изобилуют буйной зеленью. Дороги посыпаны песком, их приминают колеса многочисленных повозок и тачек, груженных всякой снедью. Полощется на ветерке белье, жунки стирают одежду с помощью деревянных дощечек. С трех сторон селение окружают поля, которые вот-вот начнут золотиться. Всюду слышны песни, гомон, споры. Квохчут куры, блеют овцы, гуси с шипением раскрывают крылья и вытягивают шеи.

Одеты жуны в простые тканые костюмы естественных цветов, кожаные жилеты и накидки. Под одеждой и в распахнутых от жары воротах поигрывают натруженные мускулы, у кого-то можно заметить небольшой горб. Женщины носят простые платья, яркие передники и глиняные украшения. Волосы у них вьются крутыми локонами, рожки меньше и изящней, чем у мужчин. Дети чертят в песке и пыли круги копытцами и прыгают по одной им известной системе. Кто чуть постарше, уже помогает родителям в работе. Под деревянным навесом несколько мужчин раскуривают трубки и играют в кости.

Слева открывается вид на жунский базар — лавки с яркими тканями, разноцветными фруктами, молочными крынками... От изобилия всякой всячины разбегаются глаза. Поддавшись искушению, Елена покупает полотняный платок, ярко-желтый с зеленой вышивкой, а заодно и небольшую кожаную дорожную сумку. Ее спутники тут же обзавелись новыми шляпами и жилетом, а Елене в два голоса посоветовали хоть чуть-чуть сменить одежду. И то правда — в камуфляжной экипировке она слишком привлекала к себе внимание. Девушка приобрела удобный дорожный костюм и довольно милое рыжее платье.

Жутко голодные, они ввалились в маленькую таверну. Четим живо заказал ужин и тут же вступил в беседу с парой молодых селян. Вскоре путников окружила веселая шумная компания, а также обильное количество жареного мяса, тушеных овощей и сладкого напитка, похожего на забродивший березовый сок. Вскоре раздались звуки флейт и свирелей, несколько селян пустились в пляс. А затем и Четим взялся настраивать чаранго...

Елена почувствовала, как жунское вино начинает бить в голову, и потихоньку прошла к выходу. Вечерняя спокойная свежесть окутала селение. Она прогулялась до берега, вслушиваясь в окружающие звуки. Плескалась река. В сопках

гулко переухивались совы.

«У-ух...» — раздавалось с одной стороны.

«Ух-ух!» — откликалось с другой.

Маленький жуненок тащил мать за руку по берегу. Елена села на перевернутую лодку, подобрала колени к подбородку. Чувство умиротворения наполнило ее. Прошуршала трава, и на земле рядом неуклюже растянулся Токус.

— Думаешь?

— Угу, — отозвалась Елена, прихлопывая комаров на руке.

Из-за сопки показался месяц. Он стал значительно больше по сравнению с первым днем ее пребывания здесь.

— А когда луна полная, Токус? Наверное, ночью совсем светло?

— Нет, только немного светлее. Сама увидишь, полнолуние скоро.

Вдруг рядом раздался детский плач.

Елена вздрогнула, быстро отвернулась. Ноющее воспоминание о сыне давило на сердце. Она изо всех сил боролась, стараясь не позволить тяжелым мыслям овладеть сознанием.

Маленький жун ревел, уткнувшись матери в плечо, а та укоризненно приговаривала, присев на корточки.

— Ну-ка прекрати! Ты уже большой у меня, сколько можно бояться?! Ничего страшного нет,

посмотри, сам посмотри!

— Не хочу-у-у-у!! Я их боюсь!

— А что... — начала Елена и осеклась.

Прямо над ними под освещенным ночным светилом небом бесшумно двигалась черная тень. Огромная, она на миг затмила собой часть месяца. Рваные крылья вздымались и опали, неясная фигура вырисовывалась над ними... Тень пролетела, сделала небольшой крюк и скрылась в сопках.

— Это стражи, — спокойно сказал Токус, проследив за взглядом Елены. — Они охраняют границы нашей страны и иногда залетают вглубь. Вернемся в таверну?

В таверне шло буйное веселье. Чаранго Четима ненадолго смолк, а хозяин его яростно стучал по столу глиняной кружкой пива и что-то доказывал огромному жуну. Хлопья пены летели во все стороны. Заливались флейты, их поддерживали барабаны. Копытца выбивали дробь по дощатому полу. Было жарко.

Елена не захотела входить, она прошлась вдоль двора, провела рукой по шершавому плетню. Черно-белый кот тихонько подошел и принялся тереться о ее ноги. Она взяла кота на руки, села на скамью. Токус достал пузырек с рыбьим клеем, небольшой клубок толстых нитей и занялся починкой ремня. Тут отворилась дверь, выбросив

полосу света, и явился Четим в окружении жунок разного возраста. В одной руке он держал инструмент, в другой — полную кружку с пивом.

— Четим! — чарангиста обняла за шею молодая жунка. — Спой еще! Ну спой, Четимчик!

— Охотно, милые дамы! — Четим слизнул пену, отставил кружку и снова дернул струны. — О чем желаете послушать?

— Что-нибудь грустное! — воскликнула другая жунка. — Вот что-нибудь такое, чтобы сердце оборвалось!

— Тьфу ты! Зачем веселье портить?!

— Ну Четимчик!

— Ну ладно, ладно! Вот, дамы, сюда, пожалуйста! Токус, подвинься, моему творчеству нужно много места. Подвинься, говорю! Кхм... Эхм...мда...

— Это вступление? — поинтересовался вазашек, зубами проверяя ремень на прочность. — Оригинально.

— Ты нич-чего не понимаешь в творчестве! Ни-че-го!

— Разумеется. Куда мне.

Кот презрительно покосился на Четима.

— Ну так вот. Грустное? Хм-м-м... О! Песня про муху! Э-кхм!!

— Побойся Демиургов, Четим, — патетическим тоном пропищал Токус. — Про

какую такую муху?

— Да это, наверное, то же самое, что про утку! — фыркнула Елена. — Только про муху!

— Ну, эту... Муха в паутину попала, и... умерла. Да, грустно, грустно... — Четим взмахнул руками, и чаранго опасно наклонился. Токус быстро подхватил инструмент.

— Да. Муху жаль, — подтвердил он.

Жунки хихикали и переглядывались. А Четим попытался приобнять Елену и склонить голову ей на плечо. Коту совсем не хотелось делить с кем-то ее внимание, и он вцепился чарангисту в шевелюру. Четим прорычал какое-то ругательство. Кот зашипел в ответ.

— Я отказываюсь работать в таких условиях! — объявил музыкант, отдирая кота. — От-ка-зы-ва-юсь! Все! Я ухожу!

И он ушел. Правда, недалеко. Привалился спиной к плетню, мечтательно закатил глаза и поэтически вздохнул.

— Ладно, — сказал вазашек, доставая из-за пояса флейту. — Друзья должны выручать друг друга, верно? Если Четим что-то обещал и не выполнил, то кто должен отдуваться, если не я?

Сразу смолкли смех и разговоры. Даже кот перестал гневно мяукать. Тихий и нежный напев полетел над засыпающим поселком. Голос флейты вплелся в голоса ночи, унесся к черному небу,

вслед за растворившейся в нем тенью...

Следующее утро началось с теплого солнечного луча, щекочущего щеку. Мягкий ворс усиливал приятные ощущения, а вкусный запах свежего хлеба и молока довершал их. Под потолком жужжал заблудившийся шершень. Елена села на соломе, крытой шерстяным одеялом, блаженно прищурилась лучам, пробивающимся сквозь отверстие в стене. Она рассмеялась в голос — до того хорошо было этим утром! Из соседней охапки показалась взъерошенная голова Четима.

— Э-эй! — хрипло объявил он. — Потише! — на его лице крупным меандром было написано мучительное похмелье.

— Подъем! — закричала Елена и швырнула в музыканта охапкой соломы.

— Я тебе!

— Давай-давай! — она легко выпрыгнула из постели.

С руганью Четим бросился за ней, догнал у самого выхода, и они оба рухнули в солому, отбиваясь друг от друга.

— Ого! — раздалось сверху.

Токус облокотился о деревянный косяк. В руке он держал свежую булку, откусывал от нее и с интересом разглядывал происходящее. Елена и Четим переглянулись и кинулись на вазашка.

— Э! Тихо-тихо! — запротестовал тот. — Я вам советую выкупаться, как следует, и за стол!

Девушка вынырнула из речки, отфыркиваясь. Вода была холодной, над ней стелился утренний туман. В нескольких десятках шагов, за тальниковыми зарослями плескался Четим. С ним они мчались сюда наперегонки, через все селение, криками распугивали с дороги медлительных и горделивых гусей. Сейчас она с наслаждением оттерлась песком, выстирала походные вещи, вымыла волосы. Здесь были сооружены мостки нарочно для купания, отгороженные ивняком.

Елена облачилась в новую одежду и взгляделась в тихую гладь. За время путешествия она загорела «под воротник», серые глаза смотрели тревожно. Потихоньку заживали многочисленные ссадины. Впрочем, не было недостатка в новых синяках, полученных при стрельбе из лука, да и просто в походном быту. Нос покрылся веснушками от солнца. На нервно искусанные губы возвращался спокойный изгиб. Она оправила рыжеватый ворот рубахи, подтянула широкий ремень, перекинула через плечо сумку с тщательно уложенными вещами. На поясе укрепила нож. Зашнуровала кожаный жилет. И подмигнула своему отражению.

«Да. И кто бы мог подумать...»

Скрылись из глаз золотящиеся поля, растаяли дымки над крышами. Местность, которую они переходили, не принадлежала никому. Дорога петляла меж редко поросшими холмами, у обочин встречались горки камней.

— Это условные знаки, так? — спросила Елена.

— Да. Странники общаются друг с другом, когда, кто и куда прошел.

Один раз им встретила могила, обложенная камнями. Сверху стоял валун с небольшим меандровым кругом.

— Захоронений в этих местах хватает, — сказал Четим. — Просто не все они у дороги.

— Кто это был?

— Не указано. Путники нашли тело и закопали его. Здесь написано «помоги нуждающемуся». Это может быть девиз или же совет другим путникам. Например, нам.

Ночами спали в порядке очереди, огонь разводили только по мере необходимости, спали на прогретой земле. Елена куталась в теплый жунский плащ, но холод настойчиво пробирался, особенно к утру. В первую же ночь она не выдержала и подобралась к Токусу под теплый мохнатый бок. Точно назло, зарядил мелкий серый дождик.

Холмы путники и вовсе старались проходить как можно быстрее.

— Здесь живет отвратный народец, — рассказывал Четим. — Карлики, ушедшие в холмы много лет назад. Они поджигают поля, разграбляют уголья, нападают на путников и устраивают целые набеги на селения. Говорят, где-то глубоко под холмами есть настоящий город, который объединяет их всех. Только где он и в какой стороне — найти никто не может! Договориться с ними невозможно, увидишь такую тварь — убивай к лешим и весь разговор!

На третью ночь похода дежурство перед рассветом досталось Елене. Дежурить было не так уж сложно — после таких рассказов захочешь, глаз не сомкнешь. Она сидела, скрестив ноги, спиной к дереву. Спутники мирно похрапывали. Уже вот-вот истекало время сна, занимался рассвет, как вдруг что-то зашуршало в кустах неподалеку, будто протопотали маленькие ножки. Елена напряглась. И раньше к ним часто подбирались мелкие зверьки, но сейчас ей казалось, что-то не так. Шорох повторился уже ближе.

Елена вскочила, и тут на спину прыгнуло нечто тяжелое и вонючее, вцепилось в шею крепкими лапками. Она кинулась спиной на землю, одной рукой сжала эти лапки, другой выхватила нож и ударила по ним. Раздался визг. Она перевернулась, откатилась в сторону, краем глаза заметила движение, вжалась в землю. Вдруг

существо всхрипнуло и рухнуло мордочкой вниз, распласталось податливое тельце. Все это заняло несколько мгновений, а тельце уже летело, отброшенное пинком Токуса. Четим помог Елене подняться.

Рукоять ножа торчала в горле существа ростом с полторы руки. В широкой пасти щерились мелкие зубки. Токус выдернул свой нож, тщательно вытер его о траву и убрал в ножны. Тут ноги девушки подкосились, и ее стошнило под ближайшее дерево. У нее начиналась истерика. Токус и Четим беспомощно переглянулись.

До леса лучников оставались сутки пути, которые было решено пройти, не останавливаясь на ночлег.

— Это мог быть просто одиночный бездельник, а может, и лазутчик, — говорил Токус. — Идем, как можно быстрее. Ближе к границам леса мы можем встретить патрули лучников.

И путники, не жалея сил, рванули на очередной переход.

Глава 4

Лесной Чертог укутался в серый предрассветный туман. Кроны его выступали над низкими облаками. Мир и покой источало это

место. К Чертогу вела одна-единственная дорога без ответвлений, она соединяла тихий лес с остальным миром.

Легко, не задевая ни единой ветки, не приминая лишней раз растения, лучник Лагдиан шел в направлении, противоположном дороге. То напевал про себя, то вдруг начинал говорить что-то громким голосом. Время от времени останавливался около дерева, проводил рукой по стволу, улыбался и шел дальше. Лучники могли по-настоящему разговаривать с лесными обитателями.

Через несколько часов неумоимо быстрого шага места начали изменяться. Это был уже не тихий и приветливый солнечный мир, а старый, седой, как сама древность лес. Меньше было здесь солнечного света, почти не пели птицы, мох опутывал древние кряжистые деревья. Ни ветерка, ни шевеления воздуха не ощущалось между стволами. Сам воздух, казалось, не менялся за тысячи лет. Пряный от опавшей листвы, терпкий и сочный, он мог служить и дыханием и пищей и водой.

Рядом с толстым деревом стояла стройная обнаженная девушка с почти прозрачным, будто водянистым телом. Девушка обнимала ствол хрупкими руками и пела, издавая шелестящие тихие звуки. Заслышав легкие шаги лучника, она

обернула к нему тонкое лицо с большими бледными глазами. Лагдиан приветственно поднял руку. Девушка коснулась лбом дерева и слилась с древесной корой.

Лучник сел в развилку между огромными корнями. Сверху на него упало несколько веток, и желудь стукнул по затылку. По дереву прошла дрожь.

Лагдиан примиряюще положил ладонь на морщинистый корень.

— Сколько можно, старик ты древний? Или не рад?

Корни расслабленно шевельнулись. Лагдиан достал из поясной сумки глиняную бутылку, откупорил пробку и вылил часть содержимого в землю. Дерево одобрительно зашелестело. Еще пару глотков освежающего питья он выпил сам.

К обеду нужно выходить в патруль. Немного отдохнув, Лагдиан отправился обратно.

Он вел отряд из пятнадцати лучников. Патрульные покинули границы леса, рассеялись немного и двинулись к югу. До вечера все было спокойно, но на закате Лагдиан услышал условный сигнал, означавший тревогу. Он быстро развернул коня.

— Принц! Там карлики! — доложил лучник Ойрис, появившийся из-за холма. — И я чую

людей. Их мало, и они приближаются к границе.

— Ждем, — бросил Лагдиан.

Вскоре человеческий запах стал доступен и его обонянию. А Ойрис тем временем уже говорил:

— С людьми вазашек!

Передовыми разведчиками становились лучники, обладавшие отменным нюхом, такие, как Ойрис.

— Собирай отряд!

Ойрис издал условный свист и сразу же, почти бесшумно, начали появляться всадники. Тут раздался приглушенный женский крик, и отряд ринулся на него.

С вершины холма видно, как десятка два карликов окружают три темные фигуры. В руках у двоих путников блеснули лезвия ножей. Третий натянул лук, и один из карликов упал на землю. Впрочем, его немедленно затоптали более удачливые товарищи, которые стремительно бросились на обороняющихся, вооруженные камнями и остро отточенными воловьими и оленьими рогами. Путники с ножами, бок о бок ринулись карликам навстречу.

Лучники растянулись цепью и налетели на карликов со спин, сминая их копытами лошадей. Выдернули из-за поясов тонкие прочные плети с хвостами, усаженными шипами, и стальные кинжалы. Маленькие твари сражались с

удивительной злобой и упорством. Тела их защищали костяные панцири и шлемы из дубленой кожи, а ловкость и увертливость восполняли небольшой рост. Но все патрульные лучники были специально подготовлены к таким схваткам. В запале боя Лагдиан оказался рядом с выпустившим первую стрелу.

— Четим! Это вы!

— Мы! Что, не ожидали?! О, лихой! Елена!!

Он в два прыжка подлетел к карлику, незаметно подобравшемуся к девушке, и перерезал ему горло. Что до Елены, она чудом не растерялась в сутолоке схватки, хоть и была близка к панике. Ей удалось ранить двоих карликов, но прилетевший камень, пущенный точно в голову, едва не избавил ее от переживания реальности.

— Давай ее сюда! — крикнул Лагдиан, освобождая от брэнной жизни еще одного карлика.

Он принял полубесчувственную девушку с рук чарангиста и перекинул ее через седло. Лучники добивали разбегающихся тварей, те визжали, слышался треск костей и костяных доспехов. Несколько лучников были легко ранены острыми камнями, но вскоре ни одного живого карлика не осталось. Лагдиан распорядился сгрести трупы в кучу и сжечь. Разведчики тщательно обследовали холмы, но никаких признаков нор или проходов не обнаружили.

Под началом Ойриса они возвращались на свои посты. Путники же в сопровождении Лагдиана отправились к границам леса.

Елена открыла глаза для того, чтобы очутиться в очередном сне.

Потолок у сна был высоченный, заканчивался он сине-серым небом, стоящим на изящных подпорках. У сна присутствовал запах — осенней листвы и свежести. Наощупь сон оказался шелестящим и шершавым, с легким ворсом. Елена подняла левую руку и поднесла ее к глазам, сосредоточилась. Рука не расплывалась и не исчезала. На кисти белел небольшой шрам. Значит, не сон?

Девушка прислушалась. Вокруг стояла тишина, но тишина, наполненная смыслом. Слышался шум листвы, далекий выговор ручья. Она обнаружила, что лежит на шерстяном одеяле, на теплом деревянном полу, от которого приятно пахло смолой. Пожухлые осенние листья — вот что шелестело под рукой! — рассыпались по полу и постели. Один застрял в волосах. Елена выпутала его и внимательно разглядела. Немного похож на кленовый, бурый и полупрозрачный. Она села на одеяле. Голова немного гудела, но, с каждым вдохом, все меньше. Опустив глаза, девушка увидела на себе недлинную мягкую рубашку. Ее

собственной одежды поблизости не было видно.

Еще у сна оказались плотные стены из зеленых ветвей в два человеческих роста. Елена коснулась босыми ногами теплого пола, поднялась. За спиной раздался шорох.

Елена резко обернулась. На веранду вошли две юные девушки в зеленых одеждах, внешне напоминающие стройные березки. Увидев ее, они со смехом подбежали.

— Вы очнулись! Как это замечательно!

— Да, все хорошо. Где я?

— Вы находитесь в Чертоге правительницы народа лучников Эмун, — был ответ.

— Я доложу принцу, — одна из девушек выбежала в дверь, искусно замаскированную в высокой стене.

— Меня зовут Имра, — представилась вторая. — Вы, наверное, голодны?

— Где моя одежда? И... да, я хочу есть! — неожиданно для самой себя сказала Елена. И поспешно прибавила, вспомнив о манерах. — Елена.

— Какое прекрасное имя! — Имра так и распахнула глаза, усаживаясь рядом с ней. — Одежду вашу мы выстирали и вскоре принесем. После битвы она была в ужасном состоянии. Принц Лагдиан с восхищением рассказывал, как отважно вы держались!

Елена нервно хихикнула:

— Да уж, куда там...

— Вот вещи, которые были у вас, — вторая девушка бесшумно возникла с сумкой Елены в руках. В другой руке она держала корзинку с фруктами, хлебом и глиняным кувшином с водой. — Если желаете искупаться, — Елена быстро кивнула, — в углу комнаты бассейн. Мы вас оставим. Через некоторое время к вам придет сам принц...

И девушки легко — бабочки бабочками! — побежали к двери.

— Пойдите! — они обернулись, и, со смешинками в глазах, взглянули на Елену. — Спасибо вам!

Обе рассмеялись и бросились прочь.

Посидев несколько минут, Елена вспомнила, что проблемы нужно решать по мере их поступления. На данный момент главенствовало желание вымыться, как следует. Стянув через голову рубашку, она прошлепала к указанному бассейну. Он находился за трехстворчатой плетеной ширмой, оказался довольно просторным и уходил в пол на такую глубину, что можно было погрузиться по пояс. Прохладная проточная вода водопадиком текла по стене и уходила куда-то вниз, а бассейн так и оставался полон. Оглянувшись на

дверь, Елена пожала плечами.

После основательного мытья девушка посвежела и стала приводить мысли в порядок. Выяснилось, что настроение вполне хорошее. Лесной воздух ли обладал живительной силой, или что-то еще, но ушиб на затылке болел достаточно терпимо, зато голод оказался зверским.

Вчерашний жуткий вечер постепенно припоминался. Она помнила бой с карликами. Затем ее куда-то несла лошадь. Вспомнила, что она не смогла сама спуститься, и подхватили ее чьи-то руки...

Елена надела рыжее платье, купленное в жунском селении, заплела волосы в недлинную косу и уничтожила почти половину содержимого корзинки. Она уже собралась пойти на разведку по новому обиталищу, как дверь снова открылась. Вошел тот самый лучник, который вел пограничный отряд, и осведомился о ее самочувствии.

Нового знакомого отличали гордая осанка, спокойные движения, учтивая манера держаться. Болотного цвета волосы лежали волнами, на руках перчатки с серебристой вышивкой. От его глаз исходило странное нечеловеческое сияние. Выражение их напоминало разомлевшего, сытого, удачно поохотившегося кота. Лагдиан пригласил

Елену прогуляться по Чертогу, и она с удовольствием приняла приглашение.

На следующий день королева Эмун призвала к себе гостей.

Поприветствовав и отпустив музыкантов, правительница обратила все внимание на Елену. Она долго молчала, изучая гостью взглядом. Елена взаимно молчала в ожидании и спокойно разглядывала королеву. Темно-зеленые волосы, ниспадающие до пояса, с легкой серебристой проседью, схватывает их кожаная повязка, простая, лишь украшенная тремя фигурками из зеленой яшмы. Истинно королевская осанка, тонкие руки, хищный и острый взгляд. На шее королевы покачивался черный обсидиан на ювелирно сработанной цепочке, с тонко нанесенным гербом. Кожа ее походила на березовую кору. Сходство с корой довершали легчайшие борозды морщинок у глаз и на лбу.

Королева предложила гостье присесть и сама села в резное кресло напротив.

— Как вас зовут? — спросила она.

— Елена.

— Странное имя. Вы из Бохена?

— Я лишь бродячая сказочница, — произнесла девушка выученные слова. — Собираю истории, сказания, легенды...

— Но где-то вы родились?

— Я не помню своего дома. Я с детства странствую по городам.

— Сколько же вам лет?

— Двадцать восемь.

— Но откуда вы шли прежде, чем встретиться с вашими спутниками? Я не помню вас в числе бродячих артистов. У вас очень странный акцент...

— Я потеряла память, королева, — потупила взгляд Елена. — Не помню почти ничего из последних месяцев. Меня ограбили на дороге. Я очнулась с болью в голове, добралась до ручья, а там меня подобрала добрые путники.

— Вот как? Вам повезло, что это оказалась не очередная банда грабителей. Напомните, где это произошло?

— Близ жунских селений, к югу отсюда.

— Странно. Эти места всегда славились своим спокойствием. Хорошо, Елена, добро пожаловать в Лесной Чертог. Приглашаю вас стать нашей почетной гостьей.

Девушка неслышно перевела дух. Она чувствовала себя как на допросе.

— Вам будет выделена комната недалеко от ваших друзей. Надеюсь, вы останетесь к Осеннему празднику?

— Благодарю вас, королева. Вы оказываете честь простой девушке.

— Сюда приедут люди из Бохена. Возможно, встреча с ними поможет вам восстановить память.

— Я надеюсь на это, королева.

Эмун замолчала, не отрывая от нее взгляда. В длинных тонких пальцах королева вертела свой обсидиан.

— Могу ли я идти?

— Да. Хотя, постойте! Вы назвали сказочницей. Можете ли вы прочесть мне что-нибудь?

— С удовольствием, королева, только немного позже. К сожалению, с памятью я потеряла большинство своих сказок.

— Но мне хотелось бы услышать мелодию вашего голоса. Скажем, на примере этого...

Эмун протянула Елене берестяной свиток. Девушка приняла его и развернула с нехорошим предчувствием. Со свитка на нее безмолвно воззрились изгибы меандров. Благодаря паре коротких уроков Четима, она смогла уловить некую закономерность, но прочесть...

— Я не могу сейчас этого прочесть, королева, — медленно произнесла она, глядя Эмун в глаза. — Я не вела записей и хранила свои истории лишь в памяти. А письмо всегда разбирала с трудом.

— А трагедия привела к полной неспособности читать? — удивилась королева. —

Тогда вы действительно нуждаетесь в отдыхе. Надеюсь, воздух наших лесов пойдет вам на пользу.

Разговор этот оставил тревожный след в душе Елены. С первого взгляда на Эмун она поняла, что обман здесь бесполезен. Вначале даже заколебалась, не попросить ли у королевы помощи. Но, то ли хищный блеск ее глаз, то ли слишком пытливый тон разговора заставили повременить с правдой.

До обещанного Осеннего праздника оставался еще целый месяц. Елена решила, что глупо просто так покидать надежное убежище. Во всяком случае, здесь можно найти больше информации, чем в одиночных блужданиях по дорогам.

Этот месяц нужно было провести с пользой. Не привыкшая терять времени, гостыя вскоре освоилась в новом месте, и особое ее внимание привлекла огромная библиотека лучников.

Елена подружилась с седым Веуросом, хранителем ключей от библиотеки. Войдя в хранилища впервые, она растерялась — такое огромное количество берестяных свитков, книг в кожаных обложках, листовых грамот и глиняных табличек предстало перед ней. Хуже всего то, что все они написаны абсолютно неизвестными символами.

«А чего ты ожидала?!» — прокомментировала

она свою растерянность.

Елена отобрала в отдельную стопку часть книг, написанных тем же меандром, который она видела у жунов и в свитке королевы. Затем отыскала Четима и притащила горе-чарангиста в хранилища, для чего пришлось извлечь его из фонтана и отобрать бутылку нектара. Попытка позорного бегства была пресечена на корню. После недолгих торгов Четим согласился объяснить ей принципы меандрового письма («два часа — но ты меня оставляешь в покое и не бегаешь ко мне с каждой строчкой!»). Через неделю гостя Чертога уже с грехом пополам, но все же разбирала ветхие страницы.

Помимо чтения, она научилась бегло писать меандром. С подсказкой Веурса, который любил поразглагольствовать о любимых книгах, выяснилось, что каждый народ Халлетлова когда-то имел собственный язык, но, со временем, все языки сплотились в одно общее наречие. А вот способы письма у всех были разными. Древние же языки бережно хранились народами и использовались только в особенных случаях. Люди и жуны, путешествующие по стране, разносили свой язык во все края.

Елена окончательно уверилась в относительности времени. Если здесь старинный исчезающий язык оказался расцветом

современности, то какой же древностью дома веяла бы исконная речь, к примеру, лучников!

Мирной ночью королева Эмун вышла в ночной патруль вместе с сыном. Спокойную верховую прогулку не тревожили никакие происшествия. Они оторвались на значительное расстояние от своих отрядов и негромко разговаривали о делах Чертога.

— Лес кипит, как забытый на костре котел, — сказал Лагдиан. — Наши музыканты едва не дерутся за очередность исполнения песен. Боюсь, тебе самой придется выбирать музыку для открытия праздника!

— Конечно! Это же важнейшая проблема Халлетлова! — с иронией отозвалась Эмун. — Лагдиан, в этот раз ты станешь присутствовать на Совете.

— Как скажешь, моя королева. Хотя я не вижу в этом необходимости. Ты все равно вводишь меня в курс после каждого Совета.

— Это разные вещи! Мне хотелось бы ближайшие годы посвятить достойной подготовке будущего правителя.

— Как скажешь, королева.

— И еще одно. Ты знаешь, чего от тебя многие ждут на этом празднике. И я в том числе. Семьдесят лет — это уже достаточно.

— Королева! Я предчувствую обиду в глазах знатных лучниц, но... Может, в следующий раз. Я не готов сейчас сделать выбор своей спутницы.

— Готов или нет, ты это сделать должен. На празднике состоится два больших сочетания браком. Твое должно стать третьим. Но если ты не решаешься остановить выбор на лучнице... К слову сказать, я вижу, что ты много времени проводишь в обществе нашей гостьи.

— О чем ты говоришь? — искренне изумился Лагдиан. — Она — человек!

— Пусть так, — согласилась Эмун. — Я вижу, что тебе она нравится. По крайней мере, ей ты уделяешь внимания больше, чем любой из лучниц.

— Да, она интересна по-своему. Но не более того!

— Я заметила, что она имеет некоторое представление о луке. Она прекрасно чувствует себя в лесу, учится охотиться. Я могу предположить, что она желала бы остаться в Чертоге. Если немного потренироваться, она станет великолепным стрелком. А может, и великолепной лучницей.

Лагдиан с возрастающим недоумением взглянул на мать.

— К чему ты клонишь?

Эмун потянула носом воздух, прикрыла глаза.

— Чуешь, Лагдиан? Еще леса стоят в золотых

нарядах, а уже вот-вот подкрадутся первые заморозки. И так из года в год. Так вот, я желаю, чтобы ты взял в жены эту девушку. Сделай ей предложение на Осеннем празднике.

Лагдиан онемел. А когда обрел способность говорить, произнес:

— А тебя не смущает полное отсутствие ее родословной? Ее прошлого, наконец?

— Какое может быть прошлое у двадцативосьмилетней девушки? Лучницы к этому времени только-только приближаются к взрослению. Вся ее жизнь может легко затмиться с помощью нашего воздуха. Елена упоминала при тебе что-нибудь о своем доме? О своем роде?

Лагдиан покачал головой.

— Ничего. Или она действительно потеряла память, или ей не по кому тосковать.

— А если и есть, то у знахарки Мирины есть превосходные благовония, избавляющие от тоски, — спокойно проговорила Эмун. — И зелья, способные заставить волосы шелестеть, подобно листве. И еще другие, дарующие долголетие.

— Ты считаешь, что человеческая девушка может стать лучницей?

— Под долгим влиянием лесного воздуха и питья человек может преобразоваться, особенно, если у него есть к этому склонность. А наследник от такого брака может иметь своеобразные

способности.

Лагдиан потряс головой, приводя мысли в порядок.

— Все это интересно, моя королева. Но зачем это тебе?

— Затем, что в ней так и бьется свежая кровь. А приток такой крови в наш род совсем бы не помешал...

— И все? Почему же ты мне не сватаешь какую-нибудь знатную бохенку?

Эмун помолчала. Ветер трепал ее зеленые волосы.

— Лагдиан, ты великолепный охотник и стрелок, но вот чутье у тебя не на высоте. Что тебе Елена рассказывала о своем происхождении?

— Говорю же, ничего! Она потеряла память, родилась на востоке...

— О, Демиурги! — перебила Эмун. — Все у нее в порядке с памятью, она — землянка! Только не желает никому об этом рассказывать!

— Не может быть! Она не могла преодолеть облачную грань!

— Каким-то образом смогла. И я хочу выяснить, как именно. Пусть она останется в Чертоге. И, может быть, у ваших потомков появится возможность преодолеть грань. Это шанс, Лагдиан, и будет глупостью его не использовать! В конце концов, в будущем тебе никто не запретит

жениться еще раз на лучнице, которую ты выберешь. А сейчас, поверь мне. Она не имеет представления, где находится. Она ищет способ вернуться домой, но не просит ни у кого помощи. Такое впечатление, что она преследует какую-то собственную цель. Если ей все рассказать, невозможно предугадать, как она отреагирует. Убеди ее в своей любви, ты ведь лучник, принц Чертога. Ты скоро станешь моим соправителем, а потом займешь мое место. Для человеческой девушки, из какого бы мира она ни была, это большая честь.

Они медленно вели коней вдоль опушки. Через некоторое время Лагдиан сказал:

— Возможно, ты права, королева. Думаю, я мог бы убедительно сделать ей предложение...

— Это разумное решение, Лагдиан. Впрочем, я могла бы потребовать твоего согласия на этот брак.

— А как же древний закон Халлетлова? — усмехнулся Лагдиан.

— Этот закон действенен только в отношении не менее древней магии жертвоприношения.

— Я прилежно изучал книги Веурса, — возразил Лагдиан. — Он действенен также и в отношении любви. Любое действие или обряд, в котором ведущую роль играет пролитая кровь, смерть или любовь, должен проводиться только с

согласия того, чья кровь или чувства используются.

— Справедливо, — подтвердила Эмун. — Но не следует забывать о том, сколько существует средств, чтобы получить это согласие.

— Ты упоминала о благовониях и зельях... Мне вспоминается старинный обычай помолвки. Девушка не знает о готовящемся предложении, но потом обязана дать ответ мгновенно, без раздумий. Так проверяется истинное желание выбранной спутницы. Возможно, имеет смысл возродить давнюю традицию? Когда она даст ответ, пути назад не останется, она будет привязана ко мне. Что же, моя королева, с твоего позволения, я сделаю Елене предложение на Осеннем празднике.

— Я рада за тебя, сын мой, — отвечала Эмун, глядя перед собой. — С огромным удовольствием благословлю ваш брак.

Тут их нагнал отставший патруль.

— Первая дюжина — за мной к югу! — скомандовала королева.

Лагдиан развернул коня и спокойным шагом, в сопровождении своего отряда двинулся к северу. До утра оставалось еще несколько часов.

Вечера Елена проводила в веселой компании Токуса и Четима, репетирующих предстоящие выступления. К компании странников охотно присоединялась Имра. Принц Лагдиан, если не был

занят на охоте или в патруле, заходил к ней, и они отправлялись на прогулку по окрестностям Чертога. В ходе этих прогулок Елена старалась ненавязчиво уточнить то, что узнала из книг. В таких диалогах приходилось проявлять поистине чудеса изворотливости, чтобы не возбудить у принца подозрений. Четим со своим чаранго вечерами собирал вокруг себя стайки восторженных лучниц. Имра танцевала под его песни, вызывая укоризненные взгляды других лучников.

Лесной Чертог состоял из бесчисленного количества ярусов и террас, внутренних двориков и фонтанов, вымощенных серым камнем дорожек и плетеных скамей, огромных лотосов в фонтанах и тончайших невесомых занавесей из мелких цветочков.

Все это представляло собой бесконечный лабиринт, после пары часов прогулки по которому, легкие пресыщались ароматным свежим воздухом. Стены возникали в виде плетеных сооружений из ветвей и лиан, разной высоты, то ажурных, то очень плотных. Почти все это росло и жило, в постройке не использовались срубленные деревья и сорванные ветви, все было не просто живым, но насыщенным жизнью. Перелетали с ветки на ветку птицы причудливых расцветок и щебетали, передразнивая голоса лучников. Порхали бледно-желтые бабочки, и фиолетовые стрекозы замирали над водой...

— Все наши дома строятся схоже, — объяснял Лагдиан. — Мы стараемся не губить деревья попусту, напротив, следим, чтобы они разрастались как можно свободнее. Лучницы разводят диких животных и выпускают их на волю. Охотники делают ночевки, пригибая ветви, но не ломают их. Мы не устраиваем загонов и облав, и тогда лешие благосклонно выводят навстречу охотникам отобранных ими кабанов и оленей... Сейчас мы не обошли и половины Чертога. Его окружают десятки других поселений. Конечно, они намного меньше. Жуны строят свои жилища в земле, мы же забираемся выше...

В обязанности Имры входил уход за несколькими лошадьми лучников. Девушка великолепно управлялась со своенравными скакунами, и Елена стала ей помогать. В походной одежде, с закатанными по локоть рукавами, она чистила лошадиные бока и училась правильно надевать упряжь. Она подружилась с серой кобылой по имени Белка. Несколько вечеров подряд подкармливала ее вкусностями, оставшимися от ужина, а потом Имра предложила оседлать лошадь. Елена вначале пришла в легкую панику, но сообразила, что это умение — не последнее из тех, которые могут пригодиться. С каждым уроком она чувствовала себя все

увереннее, а лошадь, хоть и настороженно, но приветливо приняла новую наездницу.

Лагдиан явно старался всячески привлечь к себе внимание Елены. Один раз девушка отправилась с лучниками на охоту. Они с принцем оторвались от отряда, и она ушла немного вперед. Вдруг над ее головой раздалось злое шипение, и Елена увидела дикого лесного кота, который крался по толстой ветке. Она замерла, тихонько потянулась за стрелой, но кот озлобленно прижал уши и приготовился к прыжку. Тут точь-в-точь такое же шипение послышалось с другой стороны. Лагдиан легким шагом подошел к дереву, глядя в желтые глаза кота. У зверя вздыбилась шерсть, и он попятился задом. Лагдиан еще несколько раз яростно шикнул, и кот убрался восвояси.

— У тебя слишком непривычный запах, — обратился принц к Елене. — Немногие животные осмеливаются тронуть лучника, но людям лучше держаться к нам поближе.

Вечера становились длинными, воздух — прозрачным. Тонкие нити паутины летали по лесу, а светло-голубое небо стало еще выше. Однажды Елена заметила странное шевеление в лесной подстилке и с любопытством подалась вперед, но Лагдиан удержал ее за руку и приложил палец к губам.

Из земляной норы показалась маленькая голова, обросшая рыжими волосами и бородой. Нос картошкой и шляпа, точно у белого гриба, набекрень. Тело с крепкими конечностями поросло коричневой шерстью, в одной руке — маленькие деревянные грабельки. Существо деловито огляделось и принялось сгребать грабельками листву да ссыпать ее в нору, что-то бурча под нос.

Лес жил своей особенной, самобытной жизнью. В нем все дышало, звучало, переливалось. Если лечь на землю, можно услышать, как растут деревья. Огромные бабочки кружили разноцветные хороводы. Лучники рассыпали по лесу зерно для птиц и оставляли дары лешим. К плетеным фонарям прилетали летучие мыши и ссорились между собой.

Однажды утром гостя Чертога проснулась от дивного запаха, который витал в комнате. Приподнявшись на подушке, Елена увидела охапку восхитительных ярко-алых цветов рядом с изголовьем. Внутри каждого цветка дрожал и переливался серебристый венчик, все лепестки усыпаны крохотными капельками росы. Не успела Елена удивиться, как в комнату вошла Имра и хитро прищурилась.

— Как мило! И кто же этот тайный воздыхатель?

— Не знаю... Может, Четим решил приятное сделать? — неуверенно сказала Елена, осматривая букет.

Представить Четима с таким букетом было проблематично. За все путешествие он лишний раз не взглянул на Елену. Тем более, сейчас песняр был поглощен ухаживаниями за юными лучницами.

— А я, кажется, знаю! — протянула Имра. — Сегодня принц Лагдиан недаром едва не сбил меня с ног, проходя мимо моей комнаты!

Глава 5

Арэнкин проснулся с омерзительной головной болью. Как обычно. С отвращением открыл глаза, нашарил кувшин с вином у кровати. На дне еще что-то оставалось. Рассветная полумгла освещала маленькую бревенчатую комнату, разбросанные в беспорядке вещи. Шкуры, приколотенные к стенам, луки со спущенными тетивами в углу. Дощатый столик, треснувшее зеркальце на нем и косметические принадлежности рядом. Разорванную женскую блузку под окном. Когда он пошевелился, сидящая на блузке серая мышь подняла голову и нахально уставилась на него.

Найра спокойно спала. Во сне казалась самой обычной девушкой — милой и хрупкой. Напившись, Арэнкин автоматически протянул руку

к наполовину пустой коробочке с зеленым порошком. И передумал. Еще ненадолго закрыл глаза...

Губы Найры были мягкими, сочными. Он оторвался от них с легким сожалением. Девушка перевернулась на спину, откинула со лба короткие пышные волосы, слипшиеся от пота.

— Выпьешь? — спросила она, когда перевела дух.

— Пожалуй, да.

— Вот, дьявол, когда мы успели?! — Найра глянула в пустой кувшин. — Я схожу за вином.

Она вышла, ничего не надевая. Арэнкин проводил ее взглядом.

Логово надежно укрыто в глухом лесу. Снаружи деревянного дома слышался пьяный гогот и выкрики. Похоже, бандиты играли в кости. Они, наверно, получили славную добычу на днях — лениво подумал Арэнкин. Еще несколько минут назад гогот прерывался всевозможными одобрительными воплями, советами, а под конец бурными аплодисментами. Найра не скрывала своих эмоций. Арэнкину было глубоко плевать. Он знал, что, стоит ему выйти из дома, как все мгновенно замолкнет и отведут глаза. Может быть, пошепчутся за спиной. До тех пор, пока он не оглянется.

Вернулась Найра. Обнаженная, она была почему-то не так эффектна, чем, когда он встретил ее во главе банды. На черной кобыле, в высоких, до бедер, сапогах на шнуровке, в коротком плащике с меховой оторочкой и алой повязке на голове. С золотой цепью, уходящей в соблазнительный вырез рубахи. Десяток крепких парней слушались ее беспрекословно. Сейчас она была обычной худощавой девушкой. Хоть и очень симпатичной.

— Ты сегодня слишком задумчив. Напейся. Это поможет.

— Мне бесполезно напиваться. Алкоголь почти не действует.

— Тогда... — она пошарила в карманах разбросанной одежды и извлекла небольшую коробочку. — Быть может, попробуешь это?

Арэнкин растер в пальцах зеленоватый порошок.

— Дьявольски дорогая вещь.

— Не слишком, если отбираешь ее у проезжего торговца. Нет-нет, постой! Изысканную вещь нужно изысканно использовать...

Она нанесла немного порошка на свои губы, склонилась и поцеловала Арэнкина, обхватила его бедрами...

— Ох, да, это нечто... Эй вы, падлы, заткнитесь, языки повыдергиваю! — это она

проорала в открытое окно. — Нежить небесная, это необыкновенно!

— Согласен, дорогая моя...

Он глубоко вдохнул, провел рукой по ее телу.

— Жарко у тебя. Я выйду. Прогуляюсь.

— Возвращайся! — Найра вольно раскинулась на кровати. — Я буду ждать.

Он надел черные штаны, взял пояс с мечом.

— Оставь ты его хоть ненадолго! — воскликнула Найра.

— Не привык. Если ты не против, возьму еще этой дряни, — он прихватил коробочку с порошком.

Ночь была теплой. Три небольших домика уютно светились окнами. Крыши поросли мхом и травой. Несколько человек сидело у костра. Как он и предполагал, они чуть поутихли, когда он прошел мимо. Но кто-то особенно пьяный, приподнялся, пошатываясь, и хохотнул, преграждая Арэнкину путь.

— Эй, ты! Старайся, чтоб Найра довольна осталась! А то мы не посмотрим, сразу разберемся! А мож тебя подучить?!

— Уйди с дороги, — равнодушно сказал Арэнкин.

— Ты б не командовал тут! Ты у нас в гостях, а...

— Угомонись, Минж! — перебил один из его

товарищей.

— Не лезь! Ну, так что, змеюка?! Говори, довольна наша атаманша или нет?!

— Пошел вон, — все так же спокойно ответил Арэнкин, делая шаг мимо задиры, как мимо пустого места.

— Чего? Это ты мне?! Вы посмотрите на него, ребята! Да этот трус только болтать может, знает, что его не тронем, пока атаманша не позволит! Показал бы чего стоишь, прежде чем трепаться! Верно говорю, ребята?!

«Ребята» уставились в костер. Арэнкин медленно развернулся и поднял на Минжа бледно-серые, чуть затуманенные наркотиком глаза. Минж, открывший было рот, подавился так и не сказанными словами. С его лица быстро сходили признаки опьянения. Арэнкин медленно моргнул и чуть сощурился.

— Нет!! — завопил Минж совершенно трезвым голосом. — Простите, господин! Простите! Не надо!! Заговорился по пьяни! — он пятился назад, пока не наступил голый пяткой на угли. Взвыл и едва не грохнулся в костер, но товарищи успели его подхватить. — Простите, господин!

Арэнкин уже скрылся под сенью деревьев. Паника Минжа была, по сути своей, необоснована. Закон запрещал убивать взглядом людей. Каралось

смертью. Но эффективность от этого не страдала. Слишком уж глубоко в людях засели давние страхи вперемешку с байками, что травятся у каждого второго костра.

«Никаких законов кроме собственных...»

В принципе, убийство людей вообще не поощрялось. Люди неплохо справлялись с этим сами.

Отойдя на небольшое расстояние, Арэнкин вынул из ножен прямой меч. С неудовольствием отметил новую каверну на лезвии и следы засохшей облачной крови у рукояти. Надо тщательнее следить. Он был щепетилен в этом вопросе. Оружие должно быть в идеальном состоянии. Оттер остатки крови пучком травы, сел на землю, любовно уложив меч на колени, и задумался. Завтра он встретится со своим отрядом.

«Дьяволы каменные, Гирмэн! Неужели больше нет никого, кто подходит на эту роль?»

«Ты сам прекрасно понимаешь, что нет! Слишком много придется объяснять».

«Так прикажи без лишних вопросов!»

«Арэнкин, это поймешь только ты. Ты был тогда со мной, ты все видел своими глазами! Ты знаешь, что это необходимо! Я никому не могу доверять так, как тебе...»

Он очнулся от воспоминаний, таких ярких, будто заново пережитых. Это все наркотик. В такой дозе, что человек десять можно на тот свет отправить.

Арэнкин не был на Севере со дня возрождения Вождя. Да и тогда оказался там каким-то чудом. До этого отсутствовал почти год. Даже Мейетола не могла его удержать. Он чуял облачную кровь за двадцать перелетов, он всегда рвался на самые опасные границы и вел туда свои отряды. За ним шли. Всегда шли. Он был лучшим вождем пограничных отрядов. Много лет назад ему прочили Первого Вождя Севера. Он отказался. На Севере было кому управлять. Он метался по всему миру столько, сколько себя помнил.

Он снова принял наркотик. Были вещи, которые даровали забвение и притупляли один-единственный вечный страх...

Арэнкин вернулся в комнату Найры, окончательно одурманенный. Она ждала его, приняла, обвилась вокруг него, пахнула жаром и сладостью. Тяжелая теплая ночь сомкнулась над ними.

Утро разгоралось... Он встал с постели, окинул взглядом обнаженную бандитку. Она улыбалась во сне. На ее бедрах все еще розовели яркие полосы — следы прошедшей ночи. Он

оделся, зашнуровал тяжелые сапоги, надел пояс и перевязь с серебряной вышивкой. Проверил оружие. Облачился поверх всего в черный плащ с меховой оторочкой и тяжелую стальную цепь.

— Арэнкин... — Найра приподнялась на локте, сонно сморщилась. — Куда ты?

— Я ухожу.

— Ты... — она кашлянула, приводя в порядок охрипший голос. — Ты вернешься? Арэнкин?

Он склонился над ней, притянул к себе, долго и жадно поцеловал.

— Нет, Найра. Я не вернусь.

Ее глаза чуть расширились.

— Ах ты, подонок... — ласково сказала бандитка.

— Не говори, что не предупреждал.

— Да... Приятно было пообщаться.

— Взаимно, дорогая моя.

— Арэнкин...

— Да?

— Буду рада новой встрече.

— Я запомню.

Найра проследила за ним и откинулась на подушки. Глубоко и с наслаждением вздохнула, слизнула с губ привкус яда. «Что ж, — подумала она, — есть какое-то извращенное удовольствие почувствовать себя на месте мужчин, оставленных мною».

Быстрым шагом он покинул логово, прошел мимо прогоревшего костра и храпящих около него тел. Плотный туман окутывал утренний лес. Он свистнул. Негромко, не хотел никого разбудить. Сенгид спланировал на землю, мягко сложил крылья, приземляясь на четыре лапы. Арэнкин вспрыгнул к нему на спину. Немедленно отозвалась шипящей болью пятидневная рана на боку, которая и привела его в логово Найры. Он изысканно выбранился и хлестнул сенгида.

Через некоторое время они спланировали наперерез небольшому отряду.

— Ха! Поглядите только! Арэнкин, как живой!

— Заткнись, Шахига, не ори.

— И, как всегда, в плохом настроении! Может, тебе поднимет его осознание того, что ближайший месяц ты проведешь в прекрасных лесах, осыпаемый цветами и ублажаемый милейшими лучницами?

— Шахига, клянусь, я тебе сейчас бороду подпалю, — отвечал Арэнкин, приветственно кивая остальным.

Шахига разгладил щегольские смольно-черные усы и бородку.

— Только после праздника! До него — не смей!

— Почему не летите?

— Два сенгида ранены, — подъехал с другой стороны всадник в серебристом чешуйчатом капюшоне. — По дороге пришлось подраться. Лететь мы в состоянии, но никуда не торопимся. Здравствуй, Арэнкин.

— Здравствуй, Гирмэн.

Гирмэн поморщился.

— Ты опять принимал какую-то дрянь?

— Только вчера.

— А эффект виден сегодня. Как будто тебя стервятники поклевали. Нежить тебя забери, ты что, ранен? — он проследил за тем, как Арэнкин, злобно рыча сквозь зубы, хватается за бок.

— Плевать. Царапина. И она почти прошла благодаря неустанным заботам одной премилой бандитки. Не метай в меня молнии, брат! Я предупреждал. Надо было приказывать Шахиге!

Они оторвались на некоторое расстояние от отряда.

— Не он, а ты был со мной сто лет назад и... в последующие годы. Он не приносил человеческие жертвы.

— Пора бы научиться, — язвительно бросил Арэнкин.

— Только ты сможешь установить нужную эмоциональную связь. Тебе удалось добиться согласия от того медиума. Ты знаешь, что и зачем

мы делаем. Я доверяю только тебе. Я хочу, чтобы ты отправился со мной на Совет. Возникнет много вопросов.

— Как прикажешь, вождь Огима-Гирмэн! — театрально поклонился Арэнкин. — Только не пойму, зачем ставить в известность Совет.

— Не до конца. Расскажем только часть. В любом случае, в обряде должны принимать участие представители каждого народа. Тайно это не сделать.

— Не считаешь, что кто-нибудь захочет отнять у тебя право проведения обряда? Уверен, Нару спит и видит, как он равняется с богами.

— Я же сказал. Только часть...

Меандры, индейские слова, лексика малочисленных народов... Елена надеялась, что книги дадут хоть небольшой намек на то, где она находится. Откуда-то ведь она знает те слова, которые здесь используют. А она выучила их по записям и исследованиям других людей. Да что далеко ходить, речь, схожую с жунской, можно услышать, прогуливаясь по небольшому национальному поселку на Земле. Провалилась во времени? Другой мир? Но солнце и луна над этим миром чередовали ход так же, как и над Землей. Мало того, всем известные Млечный Путь и Большая Медведица находились на своих законных

местах. Только были несравнимо ярче и прекрасней.

Тяга к письму и книгам, постоянное времяпрепровождение в библиотеке, долгие разговоры со старым Веуросом как нельзя лучше подтверждали легенду Елены. У самого взыскательного лучника не могла бы возникнуть мысль, что девушка, целыми часами спокойно просиживающая над книгами, изучает историю отнюдь не из праздного интереса. Ей казалось, что вот-вот, и...

И в одной книге она нашла описание войны, произошедшей восемьсот лет назад. Автор книги рассказывал, как наблюдал за битвой с вершины холма в сопровождении нескольких товарищей. И утверждал, что именно ему, а не кому-то иному принадлежит решение исхода сражения. А все потому, что некий правитель перед битвой преподнес ему богатый дар...

Елена захлопнула книгу и почти отбросила ее, будто та могла ужалить. Сердце колотилось. Она чуть приоткрыла ставню, несколько раз вдохнула.

Ей было знакомо описание этой войны. Восемьсот лет назад это было. Восемьсот лет...

Духи. Духи, которые помогают людям. Эфемерные силы, души природных стихий.

Духи, которые приходят на Землю по призыву людей. Они могут помогать или препятствовать.

Они могут жить на Земле среди людей, в человеческом облике. Они общаются с людьми.

«И покидают их, инсценировав собственную смерть...»

Духи... Она представила похожую на кору кожу лучников, их кошачьи светящиеся глаза. Вспомнила жунов, точно вросших в плодородную землю. Лагдиана, который разговаривал с деревьями и движением руки создавал легкий ветер... Все они — духи, олицетворение сил природы.

«Если ты был духом, прожившим среди людей, почему открылся именно мне и только при смерти? Вот я, здесь, в Поднебесье. Если ты жил на Земле, то и здесь должен помнить о ней. Но это доступно не каждому. Четим рассказывал про медиумов. Ты можешь быть одним из них».

Она нашла книгу с кратким описанием современного Бохена. В середине книги располагалось изображение простого двухэтажного дома. Подпись гласила, что здесь содержатся сумасшедшие, которые опасны для общества, поэтому в дом не пускают никого, даже родственников больных. Как и обмолвился Четим, туда могли входить только правители или их поверенные, имеющие особое разрешение. Это место носило название «Дом Медиумов». Елена скептически сощурилась, разбирая меандры.

«Как бы опасны медиумы ни были, такие предосторожности не будут предприниматься против обычных сумасшедших людей».

Между тем, Осенний праздник приближался. Он сверкал в горящих глазах юных лучниц, переливался в нетерпеливых звуках музыкальных инструментов, разрастался в гирляндах из живых цветов... Праздник бил вверх серебряными струями фонтанов и очаровывал ароматами сентябрьских фруктов. Праздник расцветал ожиданием и нетерпением.

Лесной Чертог преображался с каждым часом. Его увивали цветочные лианы, разноцветные птицы выводили свои трели, заглушая яростные споры музыкантов и препирательства меж собой поваров. Умеющие говорить с дождями лучники выстраивали радужные анфилады. Покровители деревьев ваяли из стволов и ветвей причудливые фигуры, не обломав при этом ни веточки. Умытые ливнями, позолоченные осенью, листья драгоценностями сияли повсюду. И везде слышался шепот. «Огни... птицелюды... ох, что же они устроят!.. Мы им покажем!.. А вино! Цветочное вино!.. А что ты станешь делать?... О, придёт Бхати! Несравненная!..» и так далее, и так далее...

Принца Лагдиана буквально осаждали лучницы разного положения и возраста в надежде,

что он выберет кого-нибудь из них в качестве спутницы. Но вечером перед прибытием гостей Лагдиан подошел к Елене и предложил ей сопровождать его на празднике. Девушка заколебалась, но Лагдиан поспешил рассеять ее сомнения, и они заключили нечто вроде дружеского соглашения. Лагдиан не желал выбирать в спутницы ни одну из лучниц, но в одиночестве выходить на праздник считалось неправильным. Елене было на руку сопровождать лучника, занимающего высокое положение, ведь она не имела понятия ни о ком из ожидаемых гостей.

Наконец, долгожданный день настал. Гости традиционно прибывали после полудня. Эмун в серебристо-зеленом платье стояла на ступенях у главных ворот Чертога — она встречала гостей первой, как и подобает королеве. По бокам площадки перед воротами выстроились знатные лучники. В ветвях деревьев расположились музыканты и просто желающие (которых оказалось много) взглянуть на прибытие гостей. Также здесь присутствовали молодые лучницы (в том числе Имра), готовые помочь гостям распрячь лошадей и разобрать поклажу.

Рядом с Лагдианом стояла трепещущая от любопытства Елена. Принц ухитрился приветственно улыбаться и одновременно

вполголоса отвечать ей на вопросы о тех, кто входил в ворота.

Первыми явились муспельхи, схожие с прихотливо оторванной полосой стремительной вулканической лавы, которая протекла по дороге и разлилась во дворе. Они въехали верхом на огненно-рыжих лисах, под стальными доспехами щеголяли одеждой свободного покроя, переливчатой, от белого, желтого, оранжевого до багрового, кровавого цветов. Многие облачены в плащи, точно сшитые из живого огня, острия позолоченных шлемов у мужчин венчали развевающиеся ленты. Прекрасные женщины без головных уборов, в полупрозрачной одежде, со свободно выющимися длинными темно-рыжими волосами. Смелые декольте и обнаженные руки обильно усыпаны массивными золотыми украшениями. Ноги почти у всех босые, перехваченные на щиколотках драгоценными браслетами. Волосы и бороды мужчин разных оттенков меди, сверкают на клонящемся солнце не хуже доспехов. Огромные лисы мягко переступают лапами и фырчат. Необыкновенные всадники восседают на них легко, едва касаясь небольшими руками шерсти на загривках. Лица огненных людей смуглые, с яркими, широко раскрытыми глазами. Все они громко переговаривались и смеялись, многие показывали вызолоченные зубы. От них

шел ощутимый буйный жар, который усиливался тем, что муспельхи, скачущие по бокам, держали в руках подожженные факела и причудливо, непрерывно закручивали их. Все вместе это сливалось в пламенную феерию, слепило глаза, завораживало.

Но вот мужчина и женщина, которые мчались впереди всех, одновременно подняли руки с тяжелыми рукавами до пола, и наступила тишина. Все муспельхи разом спрыгнули наземь со своих лис, и оказались среднего роста, крепко сбитыми. В руках главари держали тонкие золотые жезлы, увитые лентами. Из наверший жезлов вырывалось живое пламя, замирало на миг и рассыпалось искрами. Волосы женщины, собранные в две тяжелые косы, доставали ее щиколоток, на голове сияла золотая корона с дорогими камнями. Доспехи мужчины парадные, позолоченные, богато украшенные драгоценностями и чеканкой.

Едва ноги муспельхов коснулись земли, как лисы ринулись прочь в ворота, и быстро разбежались по лесу рыжими светящимися огоньками. Королева Эмун сделала шаг навстречу гостям.

— Приветствую вас в Лесном Чертоге в первый день Осеннего праздника, великий Нару и несравненная Бхати, вожди народов Огня!

— Приветствуем тебя и твой дом, Эмун,

владетельница Востока! — мелодичным голосом ответила женщина, изысканно приседая и глядя при этом правительнице в глаза.

— Пусть благоденствие никогда не покидает ваши края! — бархатисто подхватил мужчина, чуть склоняя голову.

В сопровождении молодых лучников муспельхи сверкающим потоком прошли через ворота чертога, снова послышался их смех и громкие голоса во внутреннем дворе.

— С ними не соскучишься, но они непредсказуемы, — улыбался Лагдиан. — Им подвластна часть силы Огня столь же разрушительной, сколь и необходимой.

Некоторое время дорога была пуста, но тут Елена подняла взгляд вверх и ахнула:

— Птицы! Какие огромные!

— Это не птицы, — отвечал Лагдиан. — Это птицелюды, жители юга, великие изобретатели. Но тише!

Птицелюды, игнорируя дорогу, подлетали прямо к воротам и, лишь следуя обычаю, входили в них в сопровождении нежной музыки. Одежды переливались всеми цветами неба — голубые, серые, фиолетовые, лиловые, на ногах виднелись легкие заостренные туфли. Кожа их светлая, черты лица острые, утонченные. Отличием служили длинные носы и выбеленные солнцем волосы,

большей частью, стриженные. И, самое главное — огромные крылья, кожистые, серо-серебряно-голубые, некоторые — с многоцветным оперением. По приземлении они заменяли птицелюдам плащ, в воздухе же раскрывались, становясь больше легкого тела, с огромным размахом. Крылья намертво срастались с плечом, и только от локтя рука становилась обычной, человеческой. В лицах читалась гордость и отрешенность.

Вела птицелюдов женщина с короткими белесыми волосами. На первый взгляд она казалась совсем юной, но этому впечатлению противоречил воинственный и глубокий ее взгляд, светящийся изнутри голубизной. От уголков глаз разбегались легчайшие морщинки, от висков вниз по острым скулам шли черные татуировки, переходя на шею и скрываясь под наглухо застегнутым воротником. По земле они ступали пружинисто, были невысокими и изящными. Остановившись перед всходом, предводительница раскрыла крылья, на мгновение опустила на одно колено и тут же поднялась. Все остальные последовали ее примеру. Один из мужчин вышел вперед и высоко поднял стальной жезл с круглым диском, увенчанным перьями. На диске явилось чеканное солнце в зените, по кругу шли неизвестные знаки. Вблизи стали заметны мирно сложенные когти на концах

крыльев.

Они с королевой обменялись приветствиями, и Эмун пригласила прибывших в Чертог. Голос у женщины оказался пронзительный и отрывистый, королева назвала ее Кара. Некоторые из птицелюдов держали в руках причудливой формы музыкальные инструменты.

— Они прекрасные певцы и музыканты, — шепотом сказал Лагдиан. — Лучники и птицелюды традиционно соревнуются на праздниках в умении стихосложения и музыкальной импровизации. А! Вот и наши селяне. И я уже различаю их повозки. Да, Осеннего праздника без осенних даров полей не бывает. А вазашьи игры увлекут даже самого чопорного и мудрого...

Да, деревянные повозки, запряженные быками и осликами, были и в самом деле внушительны. Но более внушительно выглядели те, кто сидел на повозках, быках, осликах... Елена была рада тому, что уже знакома с ними. Но, тем не менее, жуны производили впечатление. Крупные головы на массивных плечах, увенчанные тремя рогами, толстые губы, из-под которых торчат клыки, глаза навывкате.

Перед одной телегой испуганно бляло и озиралось, но шло вперед небольшое стадо овец, погоняемое жуном, жующим стебель цветка, верхом на быке. На повозках стояли корзины с

курами и гусями, с овощами и фруктами, мешки с зерном, огромные плетеные бурдюки, в которых что-то плескалось, и еще множество всякого добра, крытого полотнищами и перевязанного веревками. По двору разнесся ароматный и дразнящий запах чего-то сладкого и цветочного. С десяток едущих впереди жунов затейливо играли на флейтах и свирелях.

Вместе с ними шли вазашки в разноцветной одежде. Глаза-бусинки смотрели нахально, дрожали тонкие вибриссы, скалились крысиные мордочки. Они посмеивались меж собой, и, то и дело, принимались жонглировать фруктами. Между круглыми аккуратными ушками на отлете лихо покачивались соломенные шляпы.

Вот с главной повозки под визг свирелей прыгнул жун в красно-коричневой мантии. Он опирался на деревянный посох, увитый виноградной лозой. Верхняя часть жезла искусно вырезана в виде рогатой бычьей морды. Ростом жун был почти с лучника, только гораздо массивнее. Он три раза ударил концом посоха о каменную ступень, широко раскинул руки и поклонился. К телегам, быкам, ослам уже подбегали юные лучницы, спеша увести их — кого в стойло к свежей воде, а всех и все остальное — на кухню к поварам.

— Эмун, великолепнейшая из

великолепных! — низко рывкнул жун. — Уж сколько зарекаюсь собираться на твои праздники, а все равно едва ли не каждый август проходит в хлопотах!

— И я рада видеть тебя, Зажень! — мелодично рассмеялась Эмун. — Надеюсь, все хлопоты мы с лихвой возместим бочками с добрым настоем из весенних соков!

— Умеешь задобрить, хитрая! — и махнул своим. — Ну, идем! Нам нужно не только отдохнуть, но и присмотреть за тем, достойно ли твои лесные повара управляются с нашими припасами!

Не успели жуны и вазашки скрыться во дворах, как ворота вновь заполнились. И сейчас в них въезжали на разномастных лошадях вполне обычные...

— Люди? — выдохнула Елена.

— Люди, — подтвердил Лагдиан. — Бохенцы. Их город находится достаточно близко, и они часто заезжают к нам просто так. Народ немногочисленный, но сильный.

Рослые мужчины ехали верхом. Из окон небольших бричек выглядывали женские лица. В большинстве своем люди темно- и русоволосые, с широко посаженными слегка раскосыми глазами, в удобной верховой одежде. На мужчинах поверх одежд — доспехи из множества бронзовых пластин.

Въезд сопровождали пронзительные звуки рожков, в которые трубили юные герольды в заливчатски заломленных шапках с яркими перьями. Герольд, ехавший по правую руку от предводителя, держал древко, на котором бился темно-фиолетовый вымпел с желтым гербом — парящий орел над каменной стеной. Предводитель отдал поводья гнедого в яблоках коня девушке и коротко склонил голову на грудь перед правительницей.

— Рада приветствовать тебя, король Рауда! — воскликнула Эмун, протягивая ему руку. Король поцеловал ее запястье.

У короля седые пряди в бороде и длинных, заплетенных в косу волосах. Богатый пояс состоит из наборных пластин с прорезями, к нему подвешены бубенцы.

— И я рад встрече, королева лучников! — отвечал он. — Сказать по правде, мы приехали бы еще три дня назад и помогли с обустройством, но проклятые карлики опять взбесились.

— Жаль слышать это, — слегка помрачнела Эмун. — Тем лучше, что ты приехал. У нас будут достаточно времени, чтобы обсудить все вопросы.

— Ну да не будем слишком рано омрачать чудный праздник! — рассмеялся Рауда. — Где тут предложат что-нибудь выпить, а?

— Ну что ж, — сказал Лагдиан, когда люди прошли в чертог, а лучницы увели коней